1

Тёплым летним вечером Кузя с Николаем возвращались в гостиницу. На площадке у метро собралась небольшая толпа, люди пришли послушать предвыборное выступление очередного кандидата в Моссовет. На импровизированную трибуну забралась плотносбитая мужеподобная девица и сразу начала говорить, активно жестикулируя. Её речь была такой же быстрой и агрессивной, но совершенно бессмысленной — против всего плохого и за всё хорошее, с лёгким радужным налётом.

— Типичный речекряк, — подумал Николай, — наверное, она может так выступать часами. Интересно, догадается ли вовремя остановиться?

На агитационном кубе пиар-штаб кандидатки поместил её изрядно приукрашенную фотографию, а ниже имя и рекламный слоган.

— Лера Орлова, — вслух прочитала Кузя. — Почему Лера? Почему не Валерия? Ей ведь уже за тридцать, если не ближе к сорока. Пора к отчеству привыкать, а она всё ещё Лера. С такими заходами она к следующим выборам Лерочкой станет. Откуда у них такая любовь к уменьшительным именам?

Николай взял подругу за локоть.

— Не бери в голову, это московские заморочки. Нам сегодня и без них есть чем заняться.

Кузя улыбнулась. Они обогнули толпу и вошли в гостиницу. Едва за ними закрылась дверь номера, Кузя прижалась к Николаю, положив голову ему на плечо.

— Наконец-то мы остались одни.

— Не совсем, — раздался знакомый голос и в окне показалась голова чертовки с короткими выбеленными дредами.

Кузя вздрогнула.

— Сколько тебя знаю, а всё никак не могу привыкнуть к твоим фокусам. Ты не могла бы появляться не так неожиданно?

— Что значит «не так»? — спросила чертовка. — Как Чеширский кот, только наоборот?

— Примерно.

Бестия кивнула, исчезла и тут же вновь начала проявляться. В воздухе перед Кузей возникла клыкастая бесовская ухмылка. С минуту она покачивалась из стороны в сторону, всё шире растягивая пухлые губы, затем стала видна хитрая рожица чертовки. Вскоре она предстала перед друзьями в

полный рост, довольная произведённым эффектом. Николай невольно улыбнулся в ответ.

— Хвост забыла.

— А, точно! — чертовка хлопнула себя по лбу и посмотрела за спину, неестественно вывернув голову. — Вот теперь всё в порядке.

В дверь постучали, и в номер вошли Макар с Шаманом. Увидев Бестию, Макар радостно всплеснул руками.

— Беся, привет! Какими судьба́ми?

Чертовка скромно опустила глаза и сделала реверанс, оттянув хвост, словно подол юбки. Кузя прыснула, прикрыв рот ладошкой.

— Что у вас тут происходит? — спросил Макар. — По какому поводу веселье?

— Бестия материализовалась без хвоста, — пояснила Кузя, — а потом его отрастила.

— Понятно, — кивнул Макар и пропел дурным голосом, — как хорошо, как хорошо, какое наслаждение, нашёлся к шарику горшок, а хвост ко дню рождения![1]

— Шутки у тебя… — поморщилась Кузя. — Нарвёшься когда-нибудь. Забыл, как трикстер тебе типун на язык повесил?[2]

— Так то трикстер, — ответил Макар, — а Беся на нас не обижается, она наш демон-хранитель. Всегда нас выручает…

Он перестал улыбаться и с тревогой посмотрел на друзей.

— Но Бестия ведь никогда не приходит просто так? Только когда что-то в мире серьёзно ломается?

2

Все молча уставились на чертовку. Та выпустила из лапы хвост и обиженно надула губы.

— Ну вот, всё испортили. Хорошо же сидели. Кому это мешало?

— Беся! — Кузя понизила голос до проникновенного шёпота. — Тебе хвост лучше сразу отрезать или по частям?

Чертовка закатила глаза.

---

[1] Макар цитирует Б.Заходера.

[2] Эта история описана в третьей книге серии «Хтонь».

— И эти люди называют нас исчадьями зла!

— Ладно, хватит уже, — вмешался Николай, — повеселились и будет. Выкладывай, с чем пришла.

Бестия шумно вздохнула и спрятала глумливую ухмылку.

— Всё как обычно — то бишь всё плохо. По нашим сведениям, Элизиум готовит очередную экспансию.

Кузя недоверчиво нахмурилась.

— Нам ничего об этом не говорили.

— А должны были? — насмешливо спросила чертовка. — Кто вы такие, чтобы руководство обсуждало с вами глобальные планы? Вас проинформируют повесткой на призывной пункт, когда ситуация уже станет необратимой.

— Беся, не мельтеши, — попросил Николай, — давай по порядку — что случилось, почему вдруг дело дошло до войны?

— Почему-почему! — передразнила чертовка. — Да всё по тому же! У нас ведь всё как у людей — как только кормовая база скукоживается, начинается новый передел.

— А кормовая база — это мы? — догадался Макар. — Народ стал уже не тот? Поумнел?

— Не то, чтобы люди стали умнее, — ответила чертовка, — и вряд ли образованнее. Скорее начитаннее, осведомлённее. И при этом гораздо приземлённее. Но осведомлённый человек, далёкий от потустороннего, любую магию примет за продвинутую технологию. Его ничем не проймёшь.

— И даже чудом? — спросила Кузя.

Бестия покачала косматой головой.

— Чудес не бывает, пора бы знать. Обращать необратимое вспять не умеем ни мы, ни ангелы.

Макар не удержался и громко хмыкнул.

— Но тогда ваша магия и есть технология, просто нам она пока неизвестна.

— Можно сказать и так, — согласилась чертовка. — Но как ни назови, результат один — в наши сети попадает всё меньше человеков. Магическая экономика в глубоком кризисе; и было бы странно, если бы никто не задумался о новом переделе.

— Знакомая история, — кивнул Николай. — И у вас всё, как у нас, и у нас всё, как у вас. Кормовая база истощается, экономику лихорадит. Хищники начинают искать новую жертву.

— Мы не жертвы! — вскинулась чертовка. — Инферно Элизиуму не по зубам!

— Аналогично, — усмехнулся Николай, — и у нас всё то же самое.

3

Чертовка посмотрела на него с интересом.

— А у вас кого хотят дерибанить?

— Собирались Россию и Украину, — ответил Николай, — но обломались. Теперь Китай хотят нагнуть. А ещё присматриваются к Ближнему востоку. Хотя и в Южной Америке есть что грабить, и в Африке. Сегодня вся Земля — территория повышенной опасности.

— Да, — кивнула чертовка, — я всегда подозревала, что наши миры развиваются синхронно. А все восторги по поводу «конца истории»[3] — лишь влажные фантазии расслабленных «снежинок». Не понимаю, как можно было повестись на такое?

— Элементарно! — ответил Макар. — Это законы Мура и Хауса[4] всех очаровали и расслабили. Жизнь казалась нескончаемым праздником, «безумным чаепитием»,[5] где можно менять грязные чашки на чистые, не заботясь о том, что чистая посуда уже подходит к концу.

Бестия недовольно поморщилась.

— Давай обойдёмся без философии. Объясни простыми словами, в чём проблема.

— В том, что чистая посуда уже кончается, и это сильно напрягает всех участников чаепития. Современная цивилизация изначально строилась как пирамида, требующая постоянного притока свежих ресурсов. Но их уже не хватает на всех желающих.

— А ещё проще можешь? — спросила чертовка.

— Куда уж проще. Ты же понимаешь, что развитие зависит от финансирования — чем больше вложишь, тем мощнее выхлоп. Предыдущая версия цивилизации вкладывала в развитие «излишки», которых всегда не

---

[3] Бестия говорит о концепции из книги Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек».

[4] Закон Гордона Мура: количество транзисторов в процессорах удваивается каждые 2 года.
Закон Давида Хауса: производительность процессоров удваивается каждые 18 месяцев.

[5] Из книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Стране Чудес».

хватало. А наша цивилизация придумала гениальный ход — давать в рост несуществующие деньги, то есть не обеспеченные ни золотом, ни товарами. В расчёте на то, что вложенные средства отобьются и вернутся с лихвой. Некоторые проекты прогорали, но большинство окупалось; товарная масса приумножалась и взятые в долг деньги возвращались с процентами. Они вновь вкладывались в развитие, вновь умножались, и конца этому было не видно. Случалось, конечно, что количество несуществующих денег превышало критическую массу; но такие кризисы удавалось потушить за счёт грабежа колоний. С ними особо не церемонились — или просто отбирали и вывозили всё ценное, или принуждали продавать ресурсы за гроши, дабы сделать эти товары обеспечением «излишней» денежной массы. А потом произошёл технологический взрыв — вложения в науку, наконец, принесли свои плоды. Казалось, что уже и грабить никого не нужно; новые научные открытия обеспечат необходимый приток средств в пирамиду цивилизации. «Электрон неисчерпаем»,[6] закон Мура рулит. И тут вдруг случилось страшное — чистая посуда закончилась. Экономика уперлась в физику. Технологии вплотную уперлись в ограничения физических законов — нельзя бесконечно уменьшать шаг в микросхемах, нельзя превысить скорость света, нельзя пренебречь неизбежными выделениями тепла. Привет от демона Максвелла. А цивилизация ссудного процента рассчитана только на лавинообразное умножение, без этого вся пирамида рухнет. Значит что? — значит, надо вернуться к старому проверенному средству — грабежу. Выбрать страну с огромными внешними активами и внутренними ресурсами, богатую нефтью и газом. Годами вести во всех подконтрольных СМИ кампанию, демонизирующую будущую жертву; выплескивать на неё непрерывный поток обвинений, как обоснованных, как и откровенно абсурдных. Настроить соседей против жертвы, вооружать их, обучать их военных. Всячески мотивировать их на конфронтацию, обещая членство в союзах и блоках потенциальных победителей. Да ты и сама всё это видела, никто же ничего не скрывал.

— Но ведь очевидно, что ничем иным безумное чаепитие и не могло закончиться. Неужели никто этого не понимал? — спросила чертовка.

— Все понимали, — ответил Макар, — но надеялись, что на их век чистых чашек хватит.

4

Какое-то время друзья сидели молча. Обычный алгоритм действий «от "кто виноват?" до "что делать?"» дал сбой. Потому что здесь виновных не

[6] Макар цитирует фразу Ленина из работы «Материализм и эмпириокритицизм»: «Электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна».

было; в рамках системы все действовали единственно возможным образом. Червоточина была изначально заложена в самой системе.

— Значит, война, — сказал Макар. — Очередная война добра со злом. Но, Беся, я вот чего не могу понять — почему ты зло? Ты же клёвая девчонка, всегда нам помогаешь, каждого из нас не раз от смерти спасала. Для нас ты настоящий демон-хранитель; так с какой радости ты считаешь себя злом?

Чертовка снисходительно улыбнулась.

— Добро и зло — это всего лишь слова. Когда бесплотные разделились на два лагеря, Элизиум закопирайтил слово «добро» и белый цвет, а Инферно, соответственно, досталось «зло» и сто оттенков чёрного.

— А по какому принципу вы разделились?

— Да всё по тому же – по любви.

Макар наморщил лоб.

— Не понял.

— Элизиум больше любит добро, а Инферно — людей.

— Опять не понял.

— Все косячат, от этого никто не застрахован. Ангпроп не врёт — зло действительно может здорово испортить людям жизнь. Но оно не может уничтожить человечество, ибо люди относятся к нему настороженно, противятся ему. Можно сказать, что у человечества есть иммунитет ко злу. А к добру никакого иммунитета нет, у него вообще нет никаких ограничителей. Святой доброхот может спалить человечество во имя своего понимания добра — и до последней миллисекунды будет верить в свою правоту.

— Херасе, — прошептал Макар, — я об этом и не думал.

— К тому же, — продолжала чертовка, — Элизиум всегда выступает единым строем. Там одно понимание добра; шаг в сторону — расстрел. «Думать некогда — трясти надо». И своих апологетов они стараются воспитать в том же духе. Для них раздуть мировой пожар — как два пальца об асфальт.

— А как же «кормовая база»? — спросил Макар.

— Разумеется, люди Элизиуму нужны, — ответила чертовка, — но с чего ты решил, что нужны именно эти люди? Если ангелы решат, что народец плох, они начнут его замещение. На более сплочённых и менее рефлексирующих. Так было всегда, так делают и сейчас — мог бы и сам заметить.

— Это ты о мультикультурной миграционной политике? — спросил Макар.

— Нет, о Великом Потопе. Но хрен редьки не слаще.

— Это понятно, — сказала Кузя, — добро стремится к унификации, любое отступление от него — шаг ко злу. Но у вас разве не так? Разве у вас нет единого понимания зла?

Чертовка презрительно хмыкнула.

— Мы же не ангелы. У нас, как я уже говорила, сто оттенков чёрного. И даже больше.

5

Кузя внимательно посмотрела на Николая.

— Если начнётся война, всем придётся определиться. Вы с Макаром не готовы вернуться на светлую сторону?

— Ты же знаешь, мы воины равновесия, — ответил Николай. — Мы не за добро или зло, мы за людей.

— Поэтому я и прошу присоединиться к нам.

Николай отрицательно покачал головой.

— Мы остаёмся людьми, пока небеса и преисподняя уравновешивают друг друга. Но стоит кому-то из них одержать верх, и победитель быстро переформатирует человечество по своему образу и подобию. Для нас это в любом случае кончится плохо.

— Красиво излагаешь, — усмехнулась чертовка, — «мы за людей». А если человечество разделится на два вида — за каких людей вы будете? За старый вид или за новый? Или за тот, к которому сами будете принадлежать?

Кузя подалась вперёд.

— Ты на что намекаешь, Бестия? Хочешь сказать, что уже есть какие-то предпосылки?

— Ага, — кивнула чертовка, — и вам уже стоит задуматься — не пора ли начинать сбивать колоски.

— Какие ещё колоски? — спросил Шаман.

— Это старая история, — ответил Николай. — В такой затейливой форме Периандр посоветовал Фрасибулу избавиться от всех, кто как-то выделяется из общей массы.

— Только не Периандр Фрасибулу, а Фрасибул Периандру, — сказала Кузя. — Похоже, с Геродотом[7] у тебя что-то не сложилось.

— Это было у Аристотеля,[8] — возразил Николай. — Макар, скажи хоть ты.

Макар пожал плечами.

— Мы парни простые, академиев не кончали, Геродотов с Аристотелями не читали. Я понял только, что в Англии учат с упором на историю, а в России — на философию. Но по мне так без разницы; нашли, о чём спорить.

— Разница всё же есть, — возразил Николай, — у Геродота речь идёт об убийстве выдающихся граждан, тех, кто выделяется количественно. А Аристотель пишет о сепарации тех, кто отличается уже качественно, тех, кто как боги среди людей.[9] Аргонавты покинули Геракла потому, что даже сам корабль не захотел везти полубога, существо совсем иной природы. Пытаться убить такого — себе дороже.

6

Макар тут же уткнулся в планшет, отыскивая что-то полузабытое.

— Кажется, я понял идею. У Стругацких есть нечто похожее — в «Меморандуме Бромберга».

Он нашел в инете нужную ссылку и процитировал:

— «Человечество будет разделено на две неравные части по неизвестному нам параметру, меньшая часть его форсированно и навсегда обгонит большую».[10] Вы об этом?

---

[7] «Фрасибул же отправился с прибывшим от Периандра глашатаем за город и привел его на ниву. Проходя вместе с ним по полю, Фрасибул снова и снова переспрашивал о причине прибытия его из Коринфа. При этом тиран, видя возвышающиеся над другими колосья, все время обрывал их. Обрывая же колосья, он выбрасывал их, пока не уничтожил таким образом самую красивую и густую часть нивы. Так вот, проведя глашатая через поле и не дав никакого ответа, тиран отпустил его. По возвращении же глашатая в Коринф Периандр полюбопытствовал узнать ответ Фрасибула. А глашатай объявил, что не привез никакого ответа и удивляется, как это Периандр мог послать его за советом к такому безумному человеку, который опустошает собственную землю. Затем он рассказал, что видел у Фрасибула. Периандр же понял поступок Фрасибула, сообразив, что тот ему советует умертвить выдающихся граждан». Геродот «История», V.

[8] «Рассказывают, что Периандр ничего не сказал в ответ глашатаю, посланному к нему за советом, а лишь, вырывая те колосья, которые слишком выдавались своей высотой, сравнял засеянное поле; глашатай, не уразумев, в чем дело, доложил Фрасибулу о том, что видел, а тот понял поступок Периандра в том смысле, что следует убивать выдающихся людей». Аристотель «Политика».

[9] «Такой человек был бы все равно что божество среди людей… для такого рода людей и законов не нужно, потому что они сами – закон. Да и в смешном положении оказался бы тот, кто стал бы пытаться сочинять для них законы: они сказали бы, пожалуй, то, что, по словам Антисфена, львы сказали зайцам, когда те произносили речи в собрании животных и требовали для всех равноправия». Аристотель «Политика».

[10] А. и Б. Стругацкие «Волны гасят ветер».

Чертовка кивнула.

— Примерно. Не знаю, насколько обгонит, но, полагаю, пути разделённых разойдутся.

— И в Инферно считают, что сепарация уже началась? — спросила Кузя.

— Скорее наметилась, — ответила чертовка, — но вам уже стоит определиться, на какой вы стороне.

Кузя удивлённо посмотрела на неё.

— Мы с Шаманом были и будем на стороне добра. Как всегда. А ты сомневалась?

— Нисколько, — усмехнулась чертовка, — но как ты определишь, на какой стороне будет добро? У тебя есть надёжные критерии? Или вы смиренно станете ждать, пока ангел не ткнёт пальчиком — вот это хорошо, а это плохо?

— Я определю! — упрямо сказала Кузя.

— Конечно, конечно, — мелко закивала чертовка, — кто бы сомневался!

— Будет день и будет пища, — примирительно сказал Шаман, — зачем раньше времени суетиться.

Чертовка посмотрела на Николая.

— А ты что скажешь? Новые люди — это, быть может, следующий шаг в развитии вашего вида, открывающий ему невиданные перспективы. Дивный новый мир, но с одной оговоркой — не для всех. Сначала новых людей будет немного, и в них будут видеть лишь забавных фриков. Но, возможно, со временем их конфликт со старым большинством станет неизбежным. За кого ты встанешь?

— Ни за кого, — ответил Николай. — Но мы попытаемся остановить всех, раздувающих этот конфликт. И не важно, с какой они будут стороны.

7

Наутро друзья собрались в ресторане при гостинице. Макар, как всегда, сидел, уткнувшись в планшет.

— Есть что-то интересное? — спросил Николай.

— Всё как обычно, — ответил Макар, — звёзды скандалят, олигархи воруют, Дума дуркует. Нашёлся там один неугомонный член, предложил законопроект о запрете кормления птиц в городской черте.

— Зачем?! — удивилась Кузя.

— Тут написано, что голуби — летучие крысы, шарятся по помойкам, разносят заразу. Птичий грипп на подходе, сплотим ряды и прочее бла-бла-бла. Я думаю, этому товарищу просто машину обосрали, вот он и решил отмстить.

— И кто там такой креативный? — поинтересовался Николай.

— Некто Милонин. Рыжий, с бородой, ты наверняка его видел.

— Милонин? — переспросил Николай. — Это не тот фрик, который пытался запретить топот котов?

— Тот самый. Он ещё засветился на скандале после Евровидения, когда победила бородатая женщина.

— Стоп! — резко оборвала друга Кузя. — Топот котов, потом бороды женщин, а теперь кормление птиц. Всё сходится. Макар, посмотри, пожалуйста, из чего выковали Глейпнир.

— В какой области копать? — спросил Макар.

— Младшая Эдда, Видение Гюльви.

Макар скользнул пальцем по экрану планшета и прочитал нараспев:

— Всеотец послал Скирнира, гонца Фрейра, под землю в страну чёрных альвов к неким карлам и повелел им изготовить путы, прозванные Глейпнир. Шесть сутей соединены были в них: шум кошачьих шагов, женская борода, корни гор, медвежьи жилы, рыбье дыханье и птичья слюна.[11]

Макар поднял голову и посмотрел на друзей.

— И что это значит? Закрывается ларёк, потому что Рагнарёк?

Кузя недовольно нахмурилась.

— Дальше читай!

Макар посмотрел на экран и продолжил цитату:

[11] Снорри Стурлусон «Младшая Эдда».

— И если ты прежде о таком и не слыхивал, ты можешь и сам, рассудив, убедиться, что нет тут обману: верно, примечал ты, что у жён бороды не бывает, что неслышно бегают кошки и нету корней у гор.[12]

— Ты всё-таки объясни, — попросил Кузю Шаман, — о чём вообще речь. Я ничего не понял.

— Что же тут непонятного. Цепь Глейпнир была выкована из сутей, которым нет места в Миргарде. Но если у нас появились бородатые женщины, значит, этой сути в цепи уже нет, она выпала оттуда и переместилась в наш мир. Если коты обнаглели и начали по ночам тыктыктымкать — это ещё минус одна суть. Прочность Глейпнира упала уже на треть. А если цепь порвётся, волк Фенрир проглотит солнце и наступит конец света. Ларёк закроется, как выразился наш весельчак.

— Наверное, нам надо связаться с Милониным, — сказал Николай. — Кажется, он вовсе не фрик.

— Не советую, — покачала головой чертовка, — возможно, через него действует какая-то сила. А сам он даже не понимает, что делает.

8

Макар недоумённо посмотрел на друзей.

— Вы это серьёзно?! Вы действительно верите в какого-то Фенрира, который разорвёт цепь и проглотит солнце?! Это же дела старых богов из холодного мира; сегодня уже мало кто в них верит.

— Смотря с чем сравнивать, — возразила Кузя, — твоё пастафарианство супротив культа Одина всё равно что кружок кройки и шитья супротив партии нового типа.

— К тому же, — поддержал подругу Николай, — разве не твои любимые Стругацкие писали, что, почуяв запах серы, надо не рефлексировать, а оперативно производить святую воду в промышленных масштабах?[13]

— Было дело, — признал Макар. — Но всё же, согласитесь — верить в волка величиной со звезду для нашего времени как-то слишком.

---

[12] Там же.

[13] «А мы ошибаться не должны. Нам разрешается прослыть невеждами, мистиками, суеверными дураками. Нам одного не простят: если мы недооценили опасность. И если в нашем доме вдруг завоняло серой, мы просто не имеем права пускаться в рассуждения о молекулярных флуктуациях — мы обязаны предположить, что где-то рядом объявился черт с рогами, и принять соответствующие меры, вплоть до организации производства святой воды в промышленных масштабах». А. и Б. Стругацкие «Жук в муравейнике».

— И это говорит человек, верящий в Летающего Макаронного Монстра! — воскликнула Кузя. — Знаешь, во что мне на самом деле трудно поверить? В парадоксальные совпадения. Каким боком в голове думского депутата топот котов мог увязаться с женскими бородами? По мне так серой тут пахнуло очень отчётливо.

— Согласен, — сказал Шаман, — здесь явно что-то нечисто. И что ты предлагаешь?

— Откатить процесс назад. Вернуть Глейпниру утраченные сути.

— Как?

— Очень просто — изъяв их из мира. Как только наше общество перестанет воспроизводить бородатых женщин в массовых количествах, женские бороды вернутся на своё место в цепи Фенрира.

— Ты что, брить их собираешься? — спросил Макар.

Кузя удивлённо подняла брови.

— Зачем? Пока дело не зашло слишком далеко, достаточно лишь переопределить термины. Вернее, вернуть слову «женщина» его первоначальное биологическое значение. И нынешние бородатые женщины мгновенно превратятся в мужчин. По крайней мере, в биологическом смысле.

— Ну ты даёшь! — сказал Макар. — Да за такие слова в светлоликом обществе можно и рукопожатость на стол положить! Роулинг однажды заикнулась о хромосомах, так её чуть не лишили авторских прав на Гарри Поттера.

— Правда? — не поверил Николай. — И кого же хотели назначить новым автором Поттерианы?

— Того парня, который в фильме играл Гарри. Он и не возражал. Все артисты, сыгравшие героев Роулинг, дружно ополчились против неё. Знают, шельмецы, откуда дует денежный ветер.

Чувствовалось, что Макару многое хочется сказать по наболевшей теме, но Шаман жестом остановил его.

— Подожди. Я правильно понял — этот движ за право женщин растить бороды и звенеть яйцами инициировали те, кто хочет приблизить Рагнорёк?

— Скорее всего, кто-то очень этого хочет — ответила Кузя. — Но большинство активистов ни о чём не подозревает. Светлоликие просто смотрят на флюгер и ловят денежный ветер. О будущем они не задумываются, у них и детей, как правило, нет.

— Инферно точно этого не хочет, — сказала чертовка.

Все повернулись к ней.

— А что вы на меня так смотрите?! — возмутилась Бестия. — Это у меня не борода, это такой экстравагантный пушок. Про гирсутизм[14] слышали? Наша родовая особенность!

Кузя обняла чертовку за плечи.

— Беся, о чём ты? У нас и в мыслях не было!

«Ты ведь даже не женщина», — хотела добавить она, но вовремя прикусила язык.

9

Чертовка подозрительно оглядела друзей. Все смотрели на неё доброжелательно, и она заметно расслабилась.

— А с котами как поступите? На польты пойдут? Бе́лок из них будете делать на рабочий кредит?[15]

— Ну зачем же так сурово? — улыбнулся Николай. — Проблему кошачьего тыктыкдыма отлично решает простой тапок.

— А потом в этот тапок кот тебе и отомстит! — сказал Макар.

— Тогда — сапог! — не сдавался Николай. — Это сейчас в кроссовки любой котёнок может нагадить; а попробуй заберись в гусарский сапог!

Кузя понимающе переглянулась с Бестией — что с них взять, мальчишки!

— Успокойтесь уже, — сказала она, — хватит мачеством мериться. Всё проще — котам надо вовремя стричь когти. Людей, кстати, это тоже касается.

Теперь переглянулись мужчины. Но отвечать никто не захотел.

— А что насчёт птичьей слюны? — спросил Макар.

— Ничего, — ответила Кузя. — В видении Гюльви не говорилось, что этот компонент отсутствует в нашем мире. Есть она у птиц, и всегда была; у некоторых даже в избытке. Когда стрижи лепят гнезда, они используют слюну в качестве строительного клея.

— А может в переводе Эдды ошибка, может там о птичьем молоке речь шла? — неудачно пошутил Макар.

---

[14] Гирсутизм — избыточный рост терминальных волос у женщин и детей по мужскому типу.

[15] Бестия вольно цитирует «Собачье сердце» Булгакова.

Кузя даже не стала отвечать.

— Так что, — спросил Шаман, — мы должны начать борьбу с женскими бородами? И вступить в общество защиты домашних животных?

Кузя покачала головой.

— Нет. Не наше дело. Этим пусть Милонин занимается со своими комитетами.

— Дело, конечно, нужное, — сказал Николай, — но это не решит главной проблемы. Даже если Фенрир будет вновь надёжно закован, на кризис это никак не повлияет. Потому что, как сказал Макар, экономика упёрлась в физику. Будут женщины бородатыми или нет — законы термодинамики от этого не изменятся. Демон Максвелла не начнёт работать, вечный двигатель не изобретут.

— Верно, — кивнула чертовка, — чудес не бывает.

10

Николай подошёл к окну и выглянул на улицу. Толпа у метро уже разошлась, волонтёры разбирали трибуну и сворачивали агитационный куб.

— Интересно, как эта Лера относится к бородатым женщинам? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Она к ним не относится! — раздражённо ответила Кузя.

Ей не нравилось, когда Николай обращал внимание на других женщин.

— Или искусно скрывает, — добавил Макар.

— Что скрывает? — не понял Шаман.

— Как что? Пушок, плавно переходящий в щетинку. Тётка она маскулинная, тестостероном накачана по самую макушку. Если бы не Бигпарфюм, могла бы по утрам усики на бигуди накручивать.

— Кстати, а к чему она призывает? — спросил Николай. — Кажется, там было что-то про демографию?

Макар достал планшет, заглянул в сеть и ответил:

— Да, это главный пункт программы блока, который её продвигает. За это блогеры постоянно троллят Лерочку — сама ни разу не рожала, а с трибун агитирует за материнство.

— А должна была? — удивился Шаман. — У них же депутатская этика — своим права, народу закон.

— Это точно! — согласился Макар. — Помните фотографии встреч на высшем уровне времён ковидобесия? На них вся челядь — слуги, официантки, охранники — строго в масках, натянутых до самых глаз. А все уважаемые люди без этих намордников. Потому что бессмысленно, неудобно, противно; и вообще — не для защиты эти маски вводили, а для унижения. Дабы народец место знал. На днях, кстати, прочитал аналогичную новость. Мультикультура одержала очередную победу — в сенате США появились трансгендеры. Но этим несчастным мужчинам, считающим себя женщинами, запретили пользоваться женскими туалетами Капитолия — потому что женщины-конгрессменки испытывают от этого дискомфорт. А права женщин надо защищать. Зато за пределами Капитолия, наоборот — надо защищать права трансгендеров; а биологические женщины пусть терпят. Это принцип любой власти — своим всё, народу закон, ковидгулаг, мультикультурность.

— До «своих» Лера ещё не доросла, — возразила Кузя, — Моссовет — не тот уровень. Да и не депутат она, пока только кандидат.

— Потому она задницу и рвёт, — сказал Макар. — Если кандидата троллят в инете, он должен делать морду кирпичом и давить педаль в пол. Бежать правее Папы и быстрее паровоза.

— Но муж-то у неё хотя бы есть? — спросил Николай.

— Муж есть, — подтвердил Макар, показывая другу фотографию в планшете. — Субтильный паренёк, Лера рядом с ним смотрится как супертяж.

Кузя недовольно нахмурилась.

— Полкан, с чего тебя так заинтересовала эта Орлова? У нас что, других проблем нет?

— Не знаю, — честно ответил Николай. — Что-то в ней есть… неправильное.

— Согласна! — внезапно подала голос чертовка. — Мне эта депилированная физиономия тоже не нравится.

11

Макар, уже успевший отложить планшет, снова взял его в руки.

— Я так понимаю, мне надо копнуть глубже?

— Попробуй, — кивнул Николай. — Посмотри, что у Орловой с фертильностью. Бездетность — её выбор или её проблема?

Макар несколько минут сёрфил по форумам и новостным сайтам, потом выключил планшет и покачал головой.

— Ничего определённого, сплошной шлак про двоемыслие и «это другое». Возьму ноут и попробую войти в закрытые базы.

— А как же ваши принципы? — ехидно спросила чертовка. — Все эти разговоры про приват и личное пространство?

— Принцип Ассанжа, — ответил Николай, — «приватность для людей, прозрачность для властей». Каждый лезущий во власть должен быть готов к тому, что его просветят насквозь. Не нравится — не лезь, никто силком не тащит. Желающих и так перебор.

Макар открыл ноутбук и увлечённо застучал по клавишам. Николай и чертовка стали вполголоса обсуждать отношение к приватности в Элизиуме и в Инферно, Кузя и Шаман молча слушали, не вмешиваясь в спор. Внезапно лицо Макара вытянулось, и он удивлённо присвистнул.

— Что? — встрепенулась Кузя.

— Погоди, погоди, — отмахнулся Макар, не отрываясь от экрана, — ещё минутку.

Спор затих, все напряженно уставились на него.

Наконец Макар захлопнул крышку ноутбука и посмотрел на друзей ошалелыми глазами.

— Я знаю, почему Лера не может иметь детей. Всё дело в одной хромосоме…

— Лишней?! — не выдержала чертовка. — Лера что… солнечная женщина?

Макар покачал головой.

— Нет, дело не в этом. Проблема в Y-хромосоме. Лера Орлова — биологический мужчина, в девичестве Валерий Тёмкин. Хирургически и гормонально переделанный, конечно.

— Опаньки! — чертовка звонко хлопнула себя по мохнатым ляжкам. — Ай да кандидат в депутаты! Но у неё… у него же муж есть. Получается, что Лера-Валера состоит в гей-браке?

— И снова мимо, — ответил Макар. — Его партнёр — тоже транссексуал, переделанная биологическая женщина. Так что по хромосомам семья у них вполне традиционная.

— То есть, в принципе, эта пара может завести детей? — спросила Кузя.

— Разве что в пробирке, — ответил Макар, — с помощью генной инженерии. Врачи хорошо с ними поработали, у обоих удалены репродуктивные органы. Эта семья — идеальная френдзона с хирургически очерченными границами.

Чертовка тряхнула головой и закатила глаза.

— С вами, белковыми, не соскучишься!

12

Кузя развела руками.

— Бремя страстей человеческих. Гормональная симфония не всегда гармонична, случаются и сбои.

— Какофонии, — подсказал Макар. — Сумбур вместо музыки. Но тут дело не только в гормонах, этот брак ещё и по расчёту. Даже если всех трансов запретят и переделают обратно, эта семья сохранится. Только записи «муж» и «жена» в брачном свидетельстве поменяются местами.

Бестия скорчила презрительную гримасу и сплюнула сквозь зубы. Плевок вспыхнул и сгорел, не долетев до пола. Кузя удивлённо посмотрела на подругу.

— Беся, что не так?

— Всё не так! — вскинулась чертовка. — Вы сами-то себя слышите?! «Трансов запретят»! Развели тут перверсофобию, смотреть противно! При другом режиме вас давно бы закансели́ли!

— Беся, да что на тебя нашло? — спросила Кузя.

— Догадайся сама, ты же умная. Кто я по вашим понятиям? Бородатая женщина без матки и без вагины? Перверт по всем параметрам!

— Беся, родная, всё это не имеет к тебе отношения, ты существо иной природы…

Но попытка успокоить чертовку лишь ещё больше раззадорила её.

— Ты отказываешь мне в праве быть девочкой лишь потому, что в моём теле нет дырок для выброса отвратительных нечистот?!

— Я не отказываю, — смутилась Кузя. — Ты, конечно, девочка, раз считаешь себя девочкой. Но… Только не обижайся… Ты девочка, которая никогда не сможет стать женщиной. Вечная девочка, puella eterna.[16]

[16] Вечная девочка (лат.)

— И на том спасибо, — сердито буркнула чертовка.

Николай подошёл к ней и обнял за плечи.

— Да сколько ж можно! Когда же вы, наконец, научитесь принимать друг друга такими, какие вы есть?

— У нас всё нормально, — заверила друга Кузя.

— Да, — подтвердила чертовка, — всё путём. Лучшие подружки.

Она подняла лапу с оттопыренным большим пальцем, показывая, что всё отлично. Кузя тоже подняла руку, соединив большой и указательный палец в интернациональном жесте «о'кей». Секунду мужчины молча смотрели на подруг, а потом, не выдержав, дружно расхохотались. Кузя с чертовкой взглянули друг на друга и тоже не выдержали.

13

Отсмеявшись, Кузя с размаху плюхнулась на диван и обессиленно откинулась на спинку. Чертовка поджала ноги и повисла в воздухе, как будто расположившись в невидимом кресле. Макар, всё ещё фыркая и задыхаясь от смеха, едва смог выдавить из себя:

— А я в детстве всё никак не мог понять, почему пупсов делают без сливных отверстий. Оказывается, наших девчонок учили играть не с муляжами человеческих младенцев, но с муляжами бесенят.

— Чушь говоришь! — возразила чертовка. — Это ангелочки рождаются непристойно голыми, а мы появляемся на свет в аккуратной шёрстке ста оттенков чёрного.

— А вот с этого места, пожалуйста, подробнее, — не отставал Макар. — Как появляетесь? Откуда? Из какого места? Если у вас нет сливных отверстий, то как же вы размножаетесь?

— Фу! — поморщилась чертовка. — У вас, белковых, только одно на уме. Спроси Полкана, он многое может рассказать о своей ночной подружке. Одно из имён Наамы[17] — «Мать демонов»; тебе это о чём-то говорит? И, между прочим — все дырки, которые сводят вас с ума, у неё на месте.

Бестия искоса взглянула на Кузю, ожидая очередного взрыва. Ей нравилось поддразнивать подругу, вызывая у неё вспышки беспочвенной ревности. Но в этот раз Кузя даже не заметила провокации.

— Я, кажется, поняла, — сказала она. — Инферно — эусоциальное общество. И Элизиум, видимо, тоже.

---

[17] Эта история описана во второй книге серии «Хтонь».

— Как ты сказала? — спросил Макар.

— Общество с репродуктивной специализацией, — пояснила Кузя. — Чётко разделённое на две части — фертильное меньшинство и стерильное большинство. Как у пчёл или термитов — есть матки и трутни, и есть рабочие особи. Которые, кстати, тоже самки, только бесплодные.

— Самки? — удивился Макар. — И солдаты тоже?

— И солдаты, и рабочие, и няньки, — подтвердила Кузя. — Все они работают на благо колонии, то есть заботятся о выживании потомства.

Макар зябко поёжился.

— Жутковатое общество. А всего-то и надо было — заменить личный биологический проект коллективным.

— Спасибо, друзья! — чертовка обиженно поджала губы. — Умеете вы подбирать обидные сравнения.

14

Кузя взяла Макара за локоть и увела в сторону.

— Извини, если лезу не в своё дело. Ты давно говорил с Эмили?

— Последний раз — во Внуково.[18]

— И с тех пор ничего о ней не слышал?

— Конечно. Мы же сёрферы; мы сканируем, но не светимся. А что ты хотела от Эмили?

— Я всё думаю о сепарации, которую предсказала Бестия. Похоже, это действительно серьёзный вызов. Может быть, Эмили уже сталкивалась с чем-то подобным?

— Может быть, — согласился Макар. — Но найти её будет непросто.

— Не прибедняйся, — сказала Кузя, — ниточка-то есть. Иван Ильич. Помнишь, Эмили приводила нас в Эрмитаж?[19] Потянешь за ниточку, выйдешь на родителей Эмили, просканируешь их переписку. Должна же дочь хоть иногда что-то писать родителям. В общем, разберёшься, не мне тебя учить.

Кузя, как всегда, была права — Эмили действительно иногда писала родителям. Определить идентификаторы отправителя оказалось нелегко, зато остальное уже было делом техники. Все сёрферы хотят стать невидимыми;

---

[18] Эта история описана в третьей книге серии «Хтонь».

[19] Эта история описана в третьей книге серии «Хтонь».

уязвимыми их делают привычки и слабости. Привычкой Эмили была утренняя чашка капучино, а слабостью — стремление к удобству и минимизации усилий.

Везде, где есть возможность, нужно расплачиваться наличными — пока их ещё не запретили. Но таскать с собой бумажник, набитый купюрами, которые неизвестно кто мусолил грязными руками… Противно. Эмили не хотела даже прикасаться к этому рассаднику микробов, поэтому и засветилась. Она, правда, никогда не ходила в одно место два раза подряд; но четыре заведения были в числе её любимых, и ещё два она посещала эпизодически.

Макару оставалось лишь выбрать — обойти все кафе и найти подругу или засесть в одном из них и ждать, когда Эмили найдёт его. Макар выбрал второе. Ждать пришлось недолго, уже на второй день девушка подсела за его столик.

— Нашёл всё-таки?

— Если скажу, что оказался здесь случайно, ты ведь не поверишь? — ответил Макар вопросом на вопрос.

— Не поверю. И что просто соскучился, не поверю.

— Но я действительно соскучился! — возразил Макар. — Хотя ты, конечно, права, я здесь не за этим.

15

Два дня Макар думал, как начать этот разговор. Но, увидев Эмили, понял, насколько беспомощны все его домашние заготовки. Он молча смотрел на подругу, ожидая, когда та заговорит. Эмили, в свою очередь, смотрела на него. Наконец она нарушила затянувшееся молчание.

— Чем сейчас занимаетесь?

Макар поднял руку, будто собираясь что-то начертить в воздухе, но тут же опустил её.

— Долгая история, в двух словах и не объяснишь.

— А я всё же попробую угадать эту мелодию с двух нот, — улыбнулась Эмили.

Она легонько постучала указательным пальцем по планшету Макара.

— Два последних поисковых запроса?

— «Рагнарёк» и «смена пола», — ответил Макар, — спорим, ни за что не догадаешься, что их связывает.

— Зачем же гадать? — удивилась Эмили. — Всё ведь лежит на поверхности. Рагнарёк начнётся, когда Фенрир разорвёт свою цепь и проглотит солнце. Отец безумного волка — Локи, и он же — мать Слейпнира.

— Кого? — ошарашенно спросил Макар.

— Слейпнира. Восьминогого коня Одина. Слышал загадку — три глаза, десять ног, один хвост? Это про Одина, скачущего на своём сером коне.

— Но Локи же мужчина, а мужчина не может родить!

Макар не мог поверить в услышанное. Эмили сделала глоток и поставила стакан на стол.

— Локи йотун, а йотуны умеют менять форму. Ты действительно не знаешь эту историю?

— Нет, — помотал головой Макар.

— Странно, — сказала Эмили, — история известная, её разве что в школе не проходят. Дело было в далёкие времена, когда Асы решили обнести Асгард неприступной стеной. Нашли Строителя, каменщика-гримтурсена, но тот запросил непомерную плату — захотел взять в жены Фрейю. Локи уговорил Асов согласиться, но поставить Строителю условия, которые тот не сможет выполнить — тогда и работа будет сделана, и платить не придётся. Гримтурсен обязался возвести стену за три полугодия, имея помощником лишь одного жеребца Свадильфари. Асы согласились — и просчитались; за три дня до окончания срока Строителю оставалось лишь сделать ворота. Тогда Асы решили, что убьют Локи, если им придётся выполнить обещание и отдать Фрейю йотуну. Чтобы избежать смерти, Локи должен был сорвать уже почти законченное строительство. Он обернулся соблазнительной молодой кобылой; увидев её, Свадильфари обезумел, порвал путы и убежал за ней в лес. Срок был пропущен, Фрейя свободна, а Строителю Тор разбил голову своим молотом Мьёльниром. Но Локи забеременел от Свадильфари и родил от него восьминогого жеребёнка. Такая вот сука-любовь.

— Н-да, — задумчиво произнёс Макар, — если б я имел коня, это был бы номер… Знаешь, иногда ты очень напоминаешь мне Кузю.

— Чем же? — спросила Эмили.

— Рядом с вами я порой чувствую себя тупым валенком.

— Не заморачивайся, — улыбнулась Эмили, — вечером прочтёшь Эдды и закроешь эту лакуну в образовании.

Из кафе они вышли вместе. День пролетел незаметно, и вечером Макару, конечно, было совсем не до Эдды. Голова Эмили лежала на его плече, кончиками пальцев он слегка касался её обнажённой груди. После гормональных скачек суматошного дня этого было вполне достаточно. Мысли постепенно успокаивались и возвращались в привычное русло. Макар повернул голову и посмотрел на Эмили.

— Слушай, я вот что подумал. Ведь если Локи в какой-то момент сменил пол, то его можно считать транссекуалом? Бородатой женщиной из видения Гюльви?

— Скажешь тоже! — возмутилась Эмили. — Ты бы его ещё зоофилом назвал! Нет, Локи не транссексуал. Он андрогин.

— А это разве не одно и то же?

— Отнюдь. Прооперированный транссексуал бесплоден — окончательно и бесповоротно. Он осознанно решил прервать свой род, стать последней точкой в этом ряду. А андрогин, напротив, изобильно фертилен; он готов плодиться и размножаться, причём в любом качестве — и как отец, и как мать. У Локи шестеро детей от двух матерей и одного отца — какой же он транссексуал!

Макар нахмурился, напрягая память.

— Где-то я читал, что андрогины были счастливыми самодостаточными существами с двумя лицами, четырьмя руками и четырьмя ногами. Зевс наказал их за гордыню, разрезав пополам; и теперь эти несчастные обрубки бродят по Земле, пытаясь отыскать свою вторую половинку.

Он повернулся на бок и положил руку на бедро Эмили. Ладонь медленно поползла верх, но девушка решительно стряхнула её.

— Ты, похоже, не знаешь продолжения этой платоновской легенды.

— А там есть продолжение? — удивился Макар.

— Конечно. Зевс сказал, что если эти обрубки продолжат наглеть, он ещё раз разрежет их; будут скакать на одной ноге.[20]

— Это как? — растерянно спросил Макар.

---

[20] «Я разрежу каждого из них пополам, и тогда они, во-первых, станут слабее, а во-вторых, полезней для нас, потому что число их увеличится. И ходить они будут прямо, на двух ногах. А если они и после этого не угомонятся и начнут буйствовать, я, сказал он, рассеку их пополам снова, и они запрыгают у меня на одной ножке». Платон «Пир».

— По оси симметрии, — ответила Эмили, — будут выглядеть, как барельефы.[21]

Она встала с кровати, подошла к окну и подняла руки, растягивая затёкшие мышцы. Макар залюбовался стройной фигурой в полосе лунного света.

— Иди сюда, — попросил он.

— Нет, — Эмили покачала головой и скрылась в ванной.

Через несколько минут она вышла оттуда в голубой футболке, едва прикрывающей ягодицы. Макар потянулся к ней, но Эмили отвела его руки.

— Не сейчас. Мне надо поработать.

17

Эмили сидела перед ноутбуком, пролистывая фрагменты кода. Макар подкатил второе кресло и сел сбоку — Эмили не любила, когда кто-то смотрел на экран из-за спины. Никто этого не любит.

— Что за работа? — спросил Макар.

— Хакинг, как обычно. Белый, если тебя это интересует.

— Устроилась куда-то?

— Издеваешься? — Эмили оторвалась от экрана и посмотрела на друга. — Аутсорсинг, естественно. У тех, кто в штате, всегда всё идеально; чтобы отловить баги, нужен взгляд со стороны.

— Опасная работа, — сказал Макар, — на серваках сейчас чего только не хранят. За один намёк, что базы можно взломать, грохнут, не задумываясь.

— Я за такое не берусь, — отмахнулась Эмили. — Работаю в основном с гос.структурами — сбор данных, статистика, планирование. Тихое болото.

— Как же, тихое. Есть стрёмная информация, есть смертельно опасная информация и есть статистика.

Макар и сам не верил в то, что сказал. Но ему было обидно, что подруга ушла из команды, и любую её работу он заранее считал блажью. Эмили тоже это понимала, но спорить не стала. Она снисходительно похлопала Макара по руке.

---

[21] «Существует, значит, опасность, что, если мы не будем почтительны к богам, нас рассекут еще раз, и тогда мы уподобимся не то выпуклым надгробным изображениям, которые как бы распилены вдоль носа, не то значкам взаимного гостеприимства». Там же.

— Не паникуй. Ничего серьёзного, обычная лажа. Взгляни сам, если хочешь.

Макар с готовностью передвинул кресло и посмотрел на экран ноутбука.

— Чью-то базу хакнула?

Эмили махнула рукой.

— Ерунда, социалка. Статистика разводов по регионам.

Макар прищурился, вглядываясь в экран. Затем провёл пальцем по тачпаду и выделил строку в таблице.

— Тут какая-то ошибка. Смотри, вот здесь за год расторгнуто браков в три с половиной раза больше, чем заключено. А здесь и здесь — в три раза. Так не бывает; при такой скорости у них все браки давно должны были закончиться. Но самое интересное — регионы-лидеры по разводам одновременно и лидеры по рождаемости. Где логика?

— Всё как раз очень логично, — ответила Эмили. — Восток — дело тонкое, а Кавказ — ещё тоньше. Штамп в паспорте — ничто, религиозный брак — всё. При официальном разводе женщина не теряет ничего, а приобретает пособия и льготы как мать-одиночка. Как только это пособие ввели, все и бросились разводиться. Но это ненадолго; когда женатых в регионе не останется, исчезнут и перекосы в статистике.

18

Макар оторвал взгляд от экрана и посмотрел на Эмили.

— Ты считаешь, что это безопасная информация?

— Опасная или нет, но она уже есть в открытом доступе. Я как раз ищу, через какие дыры эта инфа могла просочиться.

— Всё уже украдено до нас! — воскликнул Макар.

— Не паясничай! — сказала Эмили. — Не понимаю, что здесь смешного?

— Извини, я просто считал, что на больших числах постулат «чем больше браков, тем больше рождений» должен работать как часы. А оказалось, что бывает и с точностью до наоборот.

— Да, — подтвердила Эмили, — именно так. Причём формально у всех губеров всё в шоколаде — у одних прекрасные показатели по разводам, у других по рождаемости. Вот только совместить эти показатели ни у кого не получилось.

Макар придвинулся к Эмили так близко, что подлокотники их кресел соприкоснулись.

— Бросала бы ты это дело, честное слово. Знаешь же, что сегодня легко можно присесть за любой фейк, который покажется кому-то оскорбительным. А чем правдивее инфа, тем обидней она звучит, и тем скорее её объявят фейком. Статистика тут вне конкуренции.

Эмили понимающе усмехнулась.

— Хочешь переманить меня обратно? Но ты ведь даже не рассказал, чем вы сейчас занимаетесь.

— Беся снова объявилась, — ответил Макар. — Она считает, что грядёт великая сепарация. Человечество разделится на два вида с разными целями и разными возможностями.

— Как в меморандуме Бромберга? — спросила Эмили.

— Примерно, — кивнул Макар. — Рад, что мы с тобой на одной волне.

— В смысле?

— У нас совпадают первые ассоциации. Полкан, услышав про сепарацию, вспомнил Платона, а Кузя — Гесиода.

— Бумеры… — Эмили улыбнулась насмешливо и чуть завистливо. — Кому сегодня нужен этот Гесиод…

— Сегодняшним и Стругацкие не нужны, — сказал Макар. — У них, похоже, вообще не будет общих ассоциаций. Раньше говорили: «Распалась связь времён»;[22] но сейчас всё куда хуже. Распались связи внутри одного времени.

19

Эмили откинулась в кресле и потянулась. Показался край белых трусиков, и Макар почувствовал, как мышцы внизу живота сжимаются в тугой комок. Ещё не полноценная эрекция, но кажется, что кровь внезапно отхлынула от мозга и устремилась вниз. Макар положил руку на коленку Эмили, но та оттолкнула её.

— Не сейчас! Я же сказала — мне надо поработать.

— Но ты же сама… — смутился Макар. — Ты же специально это делаешь!

— Что делаю? — спросила Эмили.

---

[22] «Ни слова боле: пала связь времён!» В.Шекспир «Гамлет», пер. Кронеберга.

— Может, и не специально, — подумал Макар, — может, это вшито у них в подкорку и делается бессознательно, на инстинктах. Манить и отталкивать, снова манить и снова отталкивать.

Обида нахлынула багровой волной; захотелось задеть подругу, кинуть ей в лицо что-то колкое и несправедливое.

— Иногда мне кажется, что Бестия опоздала со своим прогнозом, — сказал он, — потому что сепарация уже произошла. Мы давно живём в расщеплённом мире.

— И как давно? — спросила Эмили.

— С того момента, как Зевс разрезал андрогинов, отделив мужчин от женщин. Тогда и появились два вида с разными целями и ценностями. Мы до сих пор не можем вас понять.

Эмили засмеялась, потянулась к Макару и взъерошила ему волосы.

— Какой же ты всё-таки… узкоспециализированный. У тебя, похоже, пробелы не только с Эддами, но и с Платоном.

— А что не так? — спросил Макар.

— У тебя в голове упрощённая картинка из какой-то детской книжки, — ответила Эмили, — а у Платона всё немного сложнее. Изначально людей действительно сотворили с двумя лицами, четырьмя руками и четырьмя ногами; но только не все они были андрогинами. Кроме андрогинов, которых можно описать как «м» плюс «ж», существовало ещё два пола — «м» плюс «м» и «ж» плюс «ж». Первые (андрогины) после разделения стали гетеросексуалами, вторые геями, третьи лесбиянками.[23]

— Херасе! — сказал Макар. — Слушай, а ты сама случайно не бумер? Может, ты ведьма, знающая секрет вечной юности?

— Была б я ведьмой, я бы тебя давно в мопса превратила, — ответила Эмили.

— Почему в мопса?

---

[23] «Итак, каждый из нас половинка человека, рассеченного на две камбалоподобные части, и поэтому каждый ищет всегда соответствующую ему половину. Мужчины, представляющие собой одну из частей того двуполого прежде существа, которое называлось андрогином, охочи до женщин, и блудодеи в большинстве своем принадлежат именно к этой породе, а женщины такого происхождения падки до мужчин и распутны. Женщины же, представляющие собой половинку прежней женщины, к мужчинам не очень расположены, их больше привлекают женщины, и лесбиянки принадлежат именно к этой породе. Зато мужчин, представляющих собой половинку прежнего мужчины, влечет ко всему мужскому: уже в детстве, будучи дольками существа мужского пола, они любят мужчин, и им нравится лежать и обниматься с мужчинами». Платон «Пир».

— А в кого же ещё? Глаза выпучил и слюни пускаешь — типичный мопс.

20

Слова были обидными, но всерьёз обижаться на Эмили у Макара не получалось. Он поспешил сменить тему.

— Сегодня вашего Платона закансели бы в ноль. Три пола — это же арифметика ненависти! Их как минимум шесть!

— Говори лучше «гендер», — поправила его Эмили, — мультикультура уже докатилась до того, что закансели ть могут и за слово «пол». А гендеров, если ты не в курсе, на сегодня насчитали триста штук, и это ещё не предел.

Макар скорчил гримасу, изображающую мировую скорбь.

— Беся бы сказала — люди как люди, только половой вопрос их испортил.

— Гендерный, — поправила Эмили.

— А что, слово «пол» действительно стало запретным? — спросил Макар.

— Не само слово; канселят только за его неправильные определения. Но определения постоянно меняются, так что в каком бы контексте ты его не употребил, ты в любом случае попадёшь под раздачу. О некоторых вещах сегодня лучше вообще не говорить.

— Например?

— Например, о детях, усыновлённых однополыми семьями. Как только появляется статистика по их дальнейшим судьбам, исследование тут же объявляется лженаучным, а учёных кошмарят так, что повторять опыт уже никому не хочется. И то же самое практически по всем меньшинствам, которых назначили угнетёнными — ибо их жизни важны. В отличие от жизней остальных, не попавших в льготный список.

— Почему вы называете себя меньшинством, если в нашем театре вас уже большинство? — вспомнил Макар старый анекдот.

— Всё смеёшься, — укоризненно сказала Эмили, — прошло бы через тебя столько статистики, ты бы не так пел.

Макар перестал улыбаться.

— Да всё я понимаю. Мир сходит с ума. Ты видела предвыборные плакаты с Лерой Орловой?

Эмили кивнула.

— Она биологический мужчина, — продолжил Макар, — хирургически и гормонально переделанный. А её муж — переделанная биологическая женщина. Прикольно, да? И эти люди будут принимать законы, по которым нам жить, плодиться и размножаться!

— Будут, — подтвердила Эмили, — Лера прёт во власть, как тяжёлый танк; её никто не остановит. Всех сметёт и пережуёт гусеницами. Хорошо, что эта машина не сможет размножаться.

21

В гостиницу Макар вернулся через три дня. Бестия встретила его понимающей ухмылкой.

— Накувыркался?

— Обижаешь, — ответил Макар, — мы три дня говорили о высоких материях. О Платоне, например.

— И три ночи? — ехидно спросила чертовка.

— И три ночи.

— А о чём ещё говорили?

— Об Эддах. И о всяком радужном.

Кузя оторвала взгляд от планшета.

— О Биврёсте?

— О чём? — не понял Макар.

— О радужном мосте в Асгард.

Макар помотал головой.

— Нет, о перверсиях. Во всём радужном спектре. Но и об этой нестыковке тоже — в смысле, о разных ассоциативных реакциях на символ у разных поколений.

— Молодёжь! — всплеснула лапами Бестия. — Уже не могут нормально покувыркаться, традиционно и цисгендерно. Подавай им перверсии, да покруче! Куда катится мир?!

Макар покраснел. Кузя укоризненно посмотрела на чертовку.

— Оставь парня в покое!

Она отложила планшет и повернулась к Макару.

— А чем сейчас занимается Эмили?

— Белым хакингом. Ищет дыры в защите баз данных. Знаешь ведь, что вся инфа, собираемая государственными структурами, тут же попадает на рынок.

— О каких базах речь? — спросил Николай.

— В основном статистика по регионам. Демография, миграция, разводы и прочая социалка.

— Это, кстати, может быть интересно, — оживилась Кузя. — Если сепарация действительно намечается, это должно как-то отразиться в статистике.

— А она намечается? — спросил Макар. — Тебе не кажется, что Беся предлагает нам искать чёрную кошку в тёмной комнате? Хотя никакой кошки там не было и нет.

— Как нет?! — возмутилась чертовка. — Ты глаза-то разуй! Посмотри вокруг — что с миром творится! А тебе кажется, что всё нормально, что так и надо?!

22

Кузя помедлила, словно решая, стоит ли об этом говорить; потом всё же спросила:

— Как там Эмили?

Макар пожал плечами.

— Нормально. Снимает однушку в центре, работает. Кажется, вполне довольна.

— А ты не хочешь… плотнее с ней пообщаться?

Макар открыл рот, но чертовка зафыркала, перебивая его.

— Что?! Макаронник с Мёртвой Невестой? Окстись! Они же оба крезанутые, у них синдром озябших ёжиков!

— Это как? — спросил Макар.

— Как-как! — передразнила чертовка. — Жопой о косяк! У ёжиков сложные отношения. Разбежавшись, они начинают замерзать, им хочется прижаться друг к другу и согреться. Но, прижавшись, они сразу же начинают колоть друг друга — подушечек-то нет, чтоб втянуть иголки. Не

выдерживают, разбегаются — и снова замерзают. Так и болтаются без конца на гормональных качелях — то зябко, то колко.[24]

— Всю жизнь?

— Пока ежиха не родит. Тогда, может быть, гормоны что-то изменят.

Николай невольно улыбнулся — чертовка очень точно описала отношения Эмили с Макаром.

— Когда вы работали вместе, вы умели втягивать иголки, — сказал он. — Иногда, по крайней мере. Может, попробуешь снова?

— Я бы, конечно… — начал Макар, — вы же знаете… Но она…

— Не оправдывайся! — сказал Шаман. — Встань и иди!

Макар посмотрел на друзей. Кузя развела руками.

— Полкан прав. У нас нет никаких зацепок. А у твоей подруги уникальный опыт — перед её глазами прошли огромные массивы статистики, реальный срез общества. Что-то новое и непривычное могло отложиться в памяти.

— Тем более, что ты уже пометил там территорию, — добавила чертовка.

— Что?! — не понял Макар.

— Конь в пальто! У неё в ванной стоит твоя зубная щётка.

— Ты что, подсматривала?! — Макар задохнулся от возмущения.

— Вот ещё! — чертовка гордо вскинула голову. — Просто опыт. Вы, белковые, просчитываетесь на раз. Чем уникальней вы себя считаете, тем шаблонней ваши поступки.

23

Как и в прошлый раз, Макар ждал Эмили в кафе. Рюкзак лежал на соседнем стуле, и девушка, конечно, сразу заметила его.

— Куда-то собрался?

Макар смущённо улыбнулся.

---

[24] Бестия перефразировала притчу Шопенгауэра: «Стадо дикобразов легло в один холодный зимний день тесною кучей, чтобы, согреваясь взаимной теплотою, не замерзнуть. Однако вскоре они почувствовали уколы от игл друг друга, что заставило их лечь подальше друг от друга. Затем, когда потребность согреться вновь заставила их придвинуться, они опять попали в прежнее неприятное положение, так что они метались из одной печальной крайности в другую, пока не легли на умеренном расстоянии друг от друга, при котором они с наибольшим удобством могли переносить холод». А.Шопенгауэр «Парерги и Паралипомены».

— Не прогонишь?

— Посмотрю на твоё поведение. Приставать будешь?

— А ты как думаешь?

— Ладно, — улыбнулась Эмили, — договорились.

Через час они сидели в знакомой комнате. Эмили раскрыла ноутбук и посмотрела на Макара.

— Ты действительно думаешь, что раскол уже произошёл? Что человечество в самом прямом смысле разделилось на людей-А и людей-Б?

— Беся так считает, — ответил Макар, — мы же не можем её игнорировать. «Запах серы», сама ведь знаешь.

Эмили презрительно поморщилась.

— А ты не думаешь, что Бестия может ошибаться? Или использовать вас в своих целях?

— Использовать? Нет, не думаю, — ответил Макар. — Но мне кажется, что вы с Кузей почему-то её недолюбливаете.

— Это вы, мужики, её переоцениваете! Что-то она в вас задевает, понимаю. Но нельзя же позволять своим комплексам насиловать здравый смысл!

Макар понял, что если сейчас ответит, то секса сегодня не будет. Он раскрыл рюкзак, достал ноутбук и пристроил его на другом конце стола. Несколько минут Эмили молчала, потом спросила:

— Так что всё-таки вы ищите?

— Не знаю, — честно ответил Макар, — видимо, какие-то изменения в социологической статистике. Но не закономерные изменения, а неожиданные, несовпадающие с ожиданиями. То, что обычно росло на пять процентов в год, и вдруг рвануло на тридцать. Я написал программку для анализа таблиц, она будет искать такие феномены. Просто дай мне доступ к найденным базам, а вечером посмотрим результаты. Можно было бы поработать и с открытыми источниками, но твои достовернее. Раз ты всё равно ломаешь архивы, почему бы ими не воспользоваться?

24

Через несколько часов Эмили закрыла крышку ноутбука, зевнула и потянулась.

— Пойду сварю кофе. Ты ещё в процессе?

Макар помотал головой.

— Нет, уже закончил. Сборка — дело нехитрое.

— И как? Что-то прояснилось?

— Пока ничего, — ответил Макар. — Моя программа сортирует данные по скорости изменения и сводит их в таблицу. Я уже два десятка экранов пролистал, и везде одно и то же — данные о последствиях ковидной вакцинации. Причём речь там уже не о тридцати процентах, но сразу о трёх тысячах; понятно, что никакие сведения о демографии к таким числам и близко не подойдут.

— Три тысячи? — не поверила Эмили. — Не может быть!

— Это по Новой Зеландии. После тотальной вакцинации там отмечен тридцатикратный рост избыточной смертности.

— Избыточной, — поморщилась Эмили, — слово-то какое придумали! Но при чём тут вакцины — там же был ковид? Почему эти смерти связали не с ним, а с вакцинацией?

— Потому что такие страшные числа насчитали только там, где население было вакцинировано практически полностью. Или вот ещё показатель — в той же Новой Зеландии за два года было двести пятьдесят четыре смерти подростков от двенадцати до девятнадцати лет. И знаешь сколько из них погибло в течение трёх месяцев после прививки? Шестьдесят семь! Двадцать шесть процентов! В голове не укладывается! Когда читаешь новости, всё это как-то проскакивает мимо, теряется в потоке слов. А здесь сортировка поднимает в топ самые резкие изменения — и от них волосы встают дыбом.

— По избыточным смертям? — спросила Эмили.

— Не только. Там и синдром внезапной смерти, и ADE[25], и онкогенез, и миокардит…

Макар посмотрел на экран и прочитал:

— А также нейродегенеративные заболевания, иммунная тромбоцитопения, церебральная тромбоэмболия, паралич Белла, заболевания печени, нарушения адаптивного иммунитета…

— Хватит! — остановила его Эмили. — Понятно. И ты считаешь, что вакцинация как-то связана с сепарацией? А новые люди — это трижды привитые? Или, наоборот, ушедшие в отказ?

---

[25] Антителозависимое усиление инфекции (англ. antibody-dependent enhancement)

— Да не знаю я! — ответил Макар. — Ситуация с ковидом действительно очень странная, людей как будто специально разделяли и маркировали. Но Беся говорила о природном процессе; а на этом фоне все метания правительств — мелкая возня.

— И что ты собираешься делать?

— Поставлю фильтры на всю информацию, связанную с ковидом, — ответил Макар. — Там всё так запущено… Проценты зашкаливают и наглухо забивают топ таблицы. Из-за них ничего другого просто не видно.

25

Наутро чертовка появилась в гостинице.

— Привет от Макара!

— Как он там? — спросила Кузя.

— Кувыркается.

— Беся! — укоризненно сказал Николай. — Давай серьёзнее.

Чертовка скорчила обиженную физиономию.

— Да ладно, дайте парню оттянуться. Вдруг завтра выяснится, что они с Эмили из разных частей разделённого человечества.

Кузя недовольно нахмурилась.

— Не шути так!

— Какие шутки! — возмутилась чертовка. — Не зная критериев разделения, ты не можешь знать, где пройдёт разлом.

— А ты так уверена в своём прогнозе? — спросила Кузя. — Неужели Макар нашёл что-то интересное?

Чертовка заметно помрачнела.

— Пока нет. Он искал неожиданные изменения в социологической статистике, но самые резкие скачки там связаны с последствиями антиковидных прививок. Всё остальное к этим процентам и близко не подходит. Сегодня он поставит фильтры на эту тему и ещё раз прогонит свою программу.

— Да, с этим ковидом действительно было много странного, — сказал Николай. — Людей гнали на вакцинацию, как баранов на убой. Причём везде, во всех странах — от самых тоталитарных до самых демократических. Я бы даже сказал, чем демократичнее считала себя страна, тем беспощадней она нагибала своих граждан. И чем свободней считали себя люди, тем

безропотней они терпели насилие над собой. Как так получилось? Это же парадокс.

— Они считали, что делают это добровольно, — ответил Шаман, — по зову сердца и рекомендации учёных из Бигфармы. Мало того, что сами кололись, так ещё и сомневающихся всячески кошмарили. Стали добровольными ковид-капо в ВОЗовском концлагере.

Губы Кузи скривились в презрительном усмешке.

— Рационализация, — пояснила она, — типичная психологическая защита современного человека. Если у людей нет никаких прав, совершенно неважно, насколько свободными они себя считают. Ковидобесие наглядно им об этом напомнило, буквально мордой ткнуло.

— Именно! — подхватила чертовка. — Как раз сейчас в Колумбийском университете разрабатывают очередной проект — лицензию на ребёнка. Право воспитывать своих детей будет лишь у родителей, успешно прошедших тест и получивших лицензию от государства.

— Какой тест? — спросил Николай.

— Толерантный. Подтверждающий принятие и одобрение радужной повестки в самом широком спектре. А у тех, кто не пройдёт тест, детей отберут и передадут в правильные семьи.

— Суки! — выругался Николай. — Когда же, наконец, эта тоталерантность у них в глотке застрянет!

Кузя кивнула, соглашаясь.

— Как амрита в горле Раху.

— А это ещё кто такой? — спросил Шаман.

— Это асур, который начал пить нектар бессмертия, но не успел сделать глоток — ему отсекли голову. В результате голова стала бессмертной, а тело погибло. Не всё полезно, что в рот полезло — и для асуров, и для общества.

— Бедные детёныши! — сказала чертовка. — И бедные родители. Как считаете — этот тест нарушает их права?

— А сама-то как думаешь? — ответил Николай вопросом на вопрос.

— Неважно, что я думаю. В Колумбийском университете уверены, что не нарушает — ибо у родителей изначально нет прав на ребёнка; он принадлежит государству. Нельзя нарушить то, чего нет.

Макар потянулся за утренней чашкой кофе, но рука дрогнула, и чёрная лужа растеклась по кухонному столу. Он вскочил, отряхиваясь — на джинсах в районе промежности расплылось отвратительное тёмное пятно. Макар выругался и стащил мокрые джинсы.

— Не притворяйся, — сказала Эмили, — не такой уж он был горячий.

— Тебе не понять, — огрызнулся Макар, — знаешь, какое там всё чувствительное? Хотя, откуда тебе знать, для тебя это слепое пятно.

Эмили подошла к нему сзади и обняла за талию.

— Не обижайся. Я могу чем-то помочь раненому герою?

— Извини, — сказал Макар, — сам не знаю, что на меня нашло. С утра какой-то мандраж, всё из рук валится. Чувствую себя никчёмным планктоном.

— С чего бы? — спросила Эмили.

— Друзья надеются на нас. Ждут результатов. А у меня — ты же видела — один шлак.

Эмили усадила Макара на стул и села рядом.

— Мы ведь уже выяснили — таблицы нечитаемы из-за слишком резкого скачка реакций на вакцинации. Но это уже в прошлом; программу ты поправил, фильтры выставил.

— Возможно, дело не только в программе, — сказал Макар.

— А в чём же ещё?

— В неполноте исходных данных. Если ты скачала базы Бигфармы, то естественно, на первом месте всегда будут вакцины, госпитализации и смерти. Но это же тематические базы, они не отражают всего…

— Об этом не беспокойся, — оборвала его Эмили. — базы собраны из многих мест. И ты поразишься, если узнаешь, насколько сильно они пересекаются. С тех пор, как упала цена хранения, все тащат к себе любую информацию, до которой могут дотянуться.

— А если нужной инфы нет в базах? Если её никто не собирал, потому что не считал значимой?

— Практически всё ценное кто-то собирает, — ответила Эмили. — Социологу, может, и не интересно, сколько процентов курильщиков отказались от сигарет и перешли на вейп; но производителям эта информация жизненно необходима. Потому и ценят сёрферов — они знают, где что искать.

Но тебе и знать этого не надо — у тебя на руках данные по всем возможным темам. Где-то там лежит ответ и на твой вопрос.

— Я не только не знаю, где искать, я не знаю даже, что хочу найти, — возразил Макар, — и есть ли вообще это что-то хоть где-то.

— Тебе и не надо ничего искать, — сказала Эмили, — программа сама всё сделает. Нам останется только проанализировать результаты отбора.

27

Просмотр таблиц на ноутбуке — пытка для глаз. Промучившись несколько дней, Макар понял, что больше терпеть не может. Заказал монитор с большой диагональю, подключил его к ноутбуку и вывел на экран очередную таблицу. Глазам стало легче, но понимания это не прибавило.

Макар закрыл глаза, оперся локтями о стол и обхватил голову руками. Эмили вышла из кухни и потрепала его по волосам.

— Что, Макарушка, невесел, буйну голову повесил?

— Тяжела и неказиста жизнь обычного статиста, — в тон ей ответил Макар.

— Не статиста, а статистика, — поправила Эмили, — статист имеет такое же отношение к статистике, как морская свинка к морям и свиноводству.

— Да, в этом я не силён, — признался Макар, — для меня это совершенно новая область. Раньше я и не представлял, насколько статистика далека от новостной повестки. Буквально разные планеты. О квадроберах сегодня кричат из каждого утюга, как будто из меньшинства они вот-вот станут большинством. А для статистики их вообще не существует; какое-то невнятное шебуршание ниже статистической погрешности.

— Ну и отлично, — сказала Эмили, — значит, новые люди не будут ходить на четвереньках.[26] А кто сейчас в топе твоей таблицы? Наркоманы? Хикки?[27] Сильные независимые женщины?

— Если бы, — вздохнул Макар. — Мигранты. Вот где лавинообразный рост. В 1970-ом году их было около 85 миллионов, в 1990-ом — 153, а в 2020-ом уже 281. Это почти четыре процента от всего населения планеты — можешь себе представить?! Причём движется эта лавина всегда в одну сторону, и с каждым годом её давление только возрастает.

---

[26] Quadro — четыре (лат.)

[27] Хикки, хикикомори — люди, стремящиеся к максимальной социальной изоляции.

— М-да, — протянула Эмили, — я и не думала, что всё зашло так далеко…

— Может, ещё обойдётся, — попытался успокоить её Макар, — едут-то в основном в богатые страны, где сытно и сравнительно безопасно. Стремление к комфорту перевесит агрессивные установки, мигранты постепенно приспособятся и станут своими в новом доме. Ассимилируют. Растворятся в общем плавильном котле, как говорят американцы.

— Это в идеале, — возразила Эмили. — Принятие или растворение — лишь одна из трёх возможных форм аккультуризации.

— А по-русски? — спросил Макар.

— Один из трёх типов ответа культуры-реципиента на влияние доминантной культуры-донора. Кроме него возможны также адаптация или вливание, а также реакция — то есть тотальное неприятие. Принимающие страны, конечно, надеются на растворение — потому что культура-донор сама по себе чрезвычайно притягательна для мигрантов. Отторжение возникает, если культура-реципиент имеет достаточно развитую религию, а её представители считают местных существами гораздо ниже себя — недочеловеками или вообще не людьми. Тогда мигранты не вливаются в социум, но образуют обособленные анклавы, где живут по своим законам. Трайбализм — очень плохой вариант. Взрывоопасный. Хотя вероятность взрыва, скорее, вопрос количественный.

Макар взглянул на экран.

— Так, для справки. О количестве. На сегодняшний день в Эмиратах 88 процентов населения — мигранты.

28

Николай покинул гостиницу утром и вернулся только к обеду.

— Собирайтесь, — сказал он друзьям, — вечером переезжаем. Я снял квартиру в том же подъезде, что и Эмили, только на втором этаже.

— Зачем? — спросила Бестия. — Нам и тут неплохо.

— Ты только не обижайся, — попросил Николай, — ты хороший друг и безупречный демон-хранитель. Но передавать через тебя информацию всё равно что играть в испорченный телефон.

— Да, Беся, — поддержала друга Кузя, — ты привносишь в речь столько личного, что трудно отделить выводы Макара от твоих эмоций.

Чертовка обиженно надула губы.

— Тоже мне, нашли беспристрастного аналитика! Да ваш Макар сидит на гормонах плотнее, чем наркоман на герыче! Особенно сейчас, когда они с Эмили…

— Вот и не надо умножать искажения, их и без того хватает, — перебила её Кузя.

Вечером друзья переехали в трёхкомнатную квартиру, наспех распаковали скромный багаж и поднялись на пятый этаж. Эмили провела их в комнату, усадила на раскладной диван и опустилась в кресло напротив. Макар оторвался от экрана и тоже развернул кресло. Чертовка заняла своё любимое место на подоконнике.

— Что нового? — спросил Николай. — Кто сегодня в топе?

— Мигранты, — ответила Эмили. — Эта лавина растёт так быстро, что принимающие страны не успевают её переваривать. Озвучить цифры?

— Не надо, — ответил Николай, — и так понятно. Это и без статистики видно, на бытовом уровне. Но не думаю, что мигранты — те самые новые люди, о которых говорила Беся.

— А почему нет? — спросила чертовка. — Как раз ими сейчас и заменяют прежних людей, не оправдавших чьих-то ожиданий. Мигранты мобильны, активны, мотивированы. И репродуктивная стратегия у них иная, более агрессивная. R-стратегия,[28] если это вам о чём-то говорит. Высокая рождаемость и раннее взросление позволяет им быстро занимать всё новые жизненные пространства.

— Это верно только в первом поколении, — возразила Кузя, — а уже во втором рождаемость выравнивается и приближается к средней по стране. Нет, мигранты, при всех своих отличиях, на роль новых людей не годятся.

— Боишься, что обвинят в расизме? — съехидничала чертовка.

Кузя погрозила ей пальцем.

— Не дури! Ты подколоть меня хочешь или что-то узнать?

— Молчу, молчу! — чертовка прикрыла лапами ухмыляющийся рот. — Где уж нам, бесенятам, понять белковых! Наше дело — лаптем хтонь хлебать да онучами хмарь разгонять!

29

Макар растянул рот до ушей и захлопал в ладоши.

[28] Здесь Бестия, конечно, утрирует, что для неё характерно.

— Узнаю нашу чертовку! Как же нам тебя не хватало!

Бестия опустила глаза, изображая скромного ангелочка.

— Не смущай барышню! Расскажи лучше о ваших планах.

— Пока ничего определённого, — ответил Макар, — для начала добавлю в программу фильтры на миграционные процессы. Может быть, тогда что-то отловим.

— Отлично, — сказал Николай, — работайте.

Макар застучал по клавишам. Вскоре программа была перезапущена и началось формирование новой таблицы.

— Что, что там? — чертовка спрыгнула с подоконника, подошла к столу и заглянула в экран.

— А ты на кого ставишь? — спросил Макар.

— На самокатчиков.

— Шутишь!

Макар вывел на большой экран таблицу с новыми результатами.

— В сегодняшнем забеге побеждают участники квир-сообщества. К сожалению, обычно они выступают единым фронтом, и провести разбивку по категориям не получится. Но общее количество впечатляет. В Сан-Франциско, например, их уже больше пятнадцати процентов. Это почти каждый шестой! То есть если в классе тридцать учеников, то пятеро из них выберут ненормативное сексуальное поведение. Такого роста ещё не было, во всяком случае, в период наблюдений. Статистики по человечеству нет, потому что во многих регионах ненормативный секс криминализирован; но там, где подсчёты ведутся, рост очевиден. Берём в разработку?

— Даже не знаю, — с сомнением ответил Николай, — с квирами всё как-то слишком мутно. В одних странах перверсии запрещены, в других разрешены, но не поощряются, а в третьих участникам сообщества даже положены какие-то привилегии. Но опросы везде ведутся так, как будто речь идёт о чём-то нейтральном. Я уж не говорю об отсутствии разбивки, которое окончательно всё запутывает.

— Так какой вывод? — спросил Макар. — Отбрасываем версию?

— Пока откладываем, — ответил Николай, — для окончательного решения у нас нет достаточных данных. Продолжим сканирование. Что сейчас с рождаемостью? Если человечество действительно разделяется на два вида, то, возможно, ответ именно здесь.

Макар ввёл новые критерии поиска и перезапустил программу.

30

Чертовка склонилась над столом, нетерпеливо постукивая по пластиковому покрытию наманикюренными коготками.

— Как там наша «новая нефть»? Качается?

— Да, пока население растёт, — подтвердил Макар, — но есть нюанс. Основной прирост идёт за счёт африканских стран, расположенных южнее Сахары. Небольшой прирост также дают Ближний Восток, Индокитай, Южная Америка. Но в остальных странах идёт заметный спад; даже Индия и Китай, традиционно перенаселённые, уже не обеспечивают воспроизводство населения.

— Даже Китай? — удивилась Эмили.

— Особенно Китай. Для сохранения численности на постоянном уровне суммарный коэффициент рождаемости должен быть не ниже 2,1 ребёнка на женщину, а в Китае он уже упал до 1,28. При том, что ещё в шестидесятых он доходил до 6,2. Не слабо, да? Но бывает и хуже — в Гонконге этот коэффициент равен 0,87, а в Южной Корее — 0,84. И это без учёта того, что показатель 2,1 рассчитывался для стран, сбалансированных по возрастному составу; для стран «стареющих» он должен быть гораздо больше. А сегодня «стареют» все развитые страны. При этом за последние шестьдесят лет их суммарный коэффициент рождаемости упал с 3,3 до 1,5. Тенденция, мне кажется, чётко просматривается. Недалеко то время, когда население Земли начнёт уменьшаться.

— Да, ребята, — сказала Кузя, — с вами не соскучишься. Я всегда верила в магическую силу слов; но вы постоянно доказываете, что числа убеждают сильнее. Причём я ведь знала про второй демографический переход. Прочитала и забыла, как очередную надуманную страшилку, не стоящую внимания. Просто не представляла, насколько у нас всё плохо.

— Полный песец! — прокомментировала чертовка.

— Для экономики Инферно — точно, — подтвердила Кузя, — да и для экономики Элизиума, подозреваю.

— Как и для нашей, — добавил Макар. — Мы ведь уже говорили — эта пирамида или растёт в прогрессии, или рушится. Сокращение притока производителей и покупателей — катастрофа для экономики, основанной на ссудном проценте.

— А я считаю, что это не катастрофа, — возразила Эмили. — Наоборот, произойдёт естественное выравнивание населения. Людей сейчас действительно слишком много, биосфера нас едва выдерживает. А если экономика при этом начнёт загибаться, то тем хуже для модели ссудного процента. Значит, надо менять модель, только и всего.

— На что менять? — спросил Макар. — У тебя уже есть идеи?

— Нет, я же не экономист. Возможно, вместо непрерывного задирания процента, придётся поступить с точностью до наоборот — ввести отрицательный процент. Чтобы приумножались только «работающие» деньги, а лежащие на вкладах мёртвым грузом постепенно сгорали. Тогда Форды будут процветать, а Гобсеки разоряться. Или ввести цифровые деньги с ограниченным сроком годности, когда неистраченный к определённому сроку остаток будет сгорать мгновенно. Но всё это, конечно, надо просчитывать — а не экспериментировать на людях, как мы привыкли.

31

Макар оторвался от экрана и повернулся к друзьям.

— Ещё идеи есть?

— Посмотри статистику по психическим расстройствам, — посоветовала Кузя, — судя по тому, как кошмарили людей во время пандемии, там должны быть заметные всплески.

— Обязаны, — согласился Макар, — только что это нам даст? Ты же не думаешь, что психбольные и есть новые люди?

— Я думаю, мы должны проверить все версии, — ответила Кузя. — А с психическими отклонениями не всё так просто. В прошлом веке, например, существовало направление в антипсихиатрии, адепты которого даже шизофрению считали здоровой реакцией на нездоровую жизнь в больном обществе.

— Серьёзно? — не поверил Макар.

— Нет, серьёзно их, конечно, не воспринимали. Это просто иллюстрация, наглядный пример. Я имею в виду, что если поведение новых людей будет отлично от нашего, оно может показаться нам психическим отклонением. И тогда оно проявится в статистике.

— Хорошо, — согласился Макар, — сейчас посмотрю. Но сомневаюсь, что новых людей стоит искать среди алкашей.

Эмили удивлённо посмотрела на него.

— Ты что, считаешь алкоголизм самым распространённым расстройством?

— А разве нет? — спросил Макар.

— Отнюдь. Депрессия — болезнь века. И тревожные расстройства. Впрочем, сейчас сам увидишь.

Макар вгляделся в экран, на который программа уже выводила новую таблицу.

— Ого! По данным ВОЗ, сегодня психические расстройства есть у каждого пятого.

Он прищурился и посмотрел на друзей.

— А нас как раз… Ахтунг! Он среди нас! Колитесь, чистосердечное признание облегчает лечение!

— На меня не смотри! — сказала Бестия. — Чертенят ваш ВОЗ нигде не учитывает.

— Так что там по цифрам? — спросила Кузя.

— Если на круг, какое-то расстройство сейчас есть у каждого пятого, — ответил Макар, — а после семидесяти пяти будет уже у каждого второго. И с пандемией ты угадала — с девятнадцатого по двадцать третий год количество психических заболеваний в США увеличилось на сорок процентов. Это по самым скромным подсчётам — потому что сексуальные девиации к психическим расстройствам у них не относят. На последнем проходе я снял квир-фильтры — и ничего не изменилось.

— Действительно на сорок? — спросила Эмили.

— На тридцать девять и восемь, если точнее, — ответил Макар, — Спасибо ВОЗу за наше психическое здоровье.

— Я думаю, эту версию можно отбросить, — подвёл итог Николай, — у кого-то есть возражения?

— Нет, — ответил за всех Макар.

А потом ухмыльнулся и добавил:

— Иначе нам придётся считать ВОЗовцев прогрессорами, штампующими новых людей в промышленных масштабах.

32

Чертовка подошла к Макару сзади и положила лапу ему на плечо.

— Какой у тебя план? Снова поставишь фильтр на Биврёст?

— На что?

— Уже забыл? — удивилась чертовка. — Биврёст — это радужный мост в Асгард. Красная часть его спектра — огонь, пожирающий незваных гостей, вступивших на этот путь. Да хватит уже тупить, проснись наконец! Это была метафора. Фильтр на квир, конечно.

— Даже не знаю, — ответил Макар, — есть ли смысл в этих поисках. Не ищем ли мы то, чего в нашем мире ещё нет. Мне кажется, если бы сегрегация произошла, мы бы это заметили уже на бытовом уровне. Да ты ведь и сама в этом не уверена, разве нет?

— Я в другом уверена, — ответила чертовка, — если сегрегация ещё не совершилась, значит, она совершится буквально завтра. Потому что ваша цивилизация упёрлась в неразрешимые проблемы, и по-другому вам их не решить. Ваша экономика требует постоянного расширения рынка — а он уже занял всё возможное пространство, дальше расти ему просто некуда. Население развитых стран, обладающее производственными навыками, неуклонно сокращается; при этом общее население Земли так же неуклонно растёт — за счёт масс, такими навыками не обладающих. Ресурсы планеты уже на грани истощения — а это неизбежно приведёт к попыткам глобального передела и множеству локальных войн. Ты ведь не о таком будущем мечтаешь? Тогда поднимай свою белковую задницу и правь свой грёбаный код!

— Не надо меня лечить! — огрызнулся Макар. — Говоришь ты красиво, но неубедительно. С чего ты решила, что ресурсы планеты истощены? На наш век хватит, ещё и внукам останется!

— Уверен?

Чертовка приблизилась к Макару вплотную и посмотрела в упор, сузив зелёные глаза.

— Вы, неразумные сапиенсы, пожираете всё вокруг себя, как саранча. Давай-ка я расскажу тебе кое-что из вашей славной истории. Помнишь любимый слоган апологетов зелёной энергетики: «Каменный век закончился не потому, что кончились камни»? Им это кажется ужасно смешным; но правда в том, что камни, пригодные для изготовления ножевидных пластин, действительно закончились довольно быстро. Булыжников вокруг немеряно, но вряд ли ты споткнёшься о кварц, обсидиан, жёлтый кремень или яшму. Ещё десять тысяч лет назад эти камни стали дефицитом и основной валютой меновой торговли. На Ближнем Востоке обсидиан добывался всего в трёх карьерах. Кремнёвые шахты постоянно углублялись, и к концу неолита

глубина некоторых доходила до двадцати метров. Приходилось всё глубже зарываться в землю, чтобы найти то, что в начале каменного века лежало под ногами, в открытых выходах месторождений. Такова судьба всех невозобновляемых источников. Каменный век сменился бронзовым — и уже к третьему веку нашей эры истощились испанские оловянные рудники, олово пришлось возить из Англии. А сегодня вы вновь подошли к этому рубежу — приходится прилагать всё больше усилий, чтобы добыть всё менее качественное сырьё. То, что прежде считалось пустой породой, сейчас перерабатывается как полноценная руда. И с нефтью та же история — с каждым годом всё глубже, всё труднее, всё затратнее. Докатились до того, что уже и битумозные пески стали считать нефтью; дальше падать некуда! Раньше вам было проще — когда истощался основной ресурс цивилизации, удавалось перейти на другой. А если повезёт — совершить производительную революцию и перескочить сразу на новый уровень. Но сейчас на Земле кончается всё и сразу. Что теперь будет с вашей хвалёной пирамидой? Доведёт вас ссудный процент до Судного дня!

— Не поминай всуе! — одёрнула подругу Кузя.

— А что не так?! — завелась чертовка. — Посмотри, во что вы планету превратили! Скоро весь углерод переведёте на дерьмо и пластик, а потом и дерьмо в пластик переработаете. Если ничего не измените, не пройдёте ни в игольное ушко, ни в бутылочное горлышко. Причём менять вам придётся не мир, который вы и так уже вконец изгадили, а самих себя.

33

Макар вскочил и резко оттолкнул кресло.

— Хватит! Я и так с этой статистикой столько узнал о людях… Столько дерьма… И после этого ты будешь мне рассказывать, как у нас всё запущено!

— Поэтому ты и должен понимать… — начала чертовка, но Макар перебил её.

— Ничего я не должен! Человечество с самого начала постоянно проходит через кризисы — из одного в другой, без остановки. А этот что, какой-то особенный?

— Этот как раз особенный, — ответила чертовка, — прежние великие кризисы были переходами сквозь бутылочное горлышко, когда численность вашего вида падала до опасного предела. А сейчас наоборот — человечество уже превысило все разумные пределы. Высосало почти все невозобновляемые ресурсы и изгадило планету. Меняйтесь, или проиграете!

— Нам бы сначала с локальными войнами разобраться, а потом будем думать о ресурсах, — сказал Николай.

Чертовка театрально вздохнула, демонстрируя бесконечное терпение и снисходительность.

— Так ваши войны именно за ресурсы и ведутся. И пока вы с ними не разберётесь, войны будут продолжаться — то в одном, то в другом месте. Ты что, не видишь здесь никакой связи?

— Тебя не поймёшь, — сказал Николай, — сначала ты плачешься, что мало душ — плохо, экономика Инферно страдает. А теперь выясняется, что и много душ — тоже плохо. Чего же ты хочешь, тварь инфернальная?

Чертовка притворно нахмурилась.

— Придержи язык, кожаный мешок! Я хочу всего лишь, чтобы время не обошлось с вами как с козами, которых моряки оставляли на необитаемых островах в качестве живых консервов.

— А что было не так с теми козами? — спросил Макар.

— Всё с ними было в порядке, — ответила чертовка, — если моряки успевали вернуться вовремя. Но если они запаздывали, то вместо зелёного острова находили голые скалы. Козы быстро размножались, мгновенно пожирали всю растительность и умирали от голода. Ничего не напоминает?

— Напоминает?! — возмутился Макар. — Ты что, мохнатая, совсем берега попутала?! Рога и копыта у тебя, а козлы мы — так, что ли?!

— Оставь мои рожки в покое! — повысила голос чертовка. — Они совсем иной природы. Это вы, белковые, все одними аминокислотами мазаны.

34

Не оглядываясь, Макар вышел из комнаты. Эмили догнала его на лестничной площадке.

— Что на тебя нашло?

— Достало хернёй заниматься. У меня эти таблицы уже в печёнке сидят. Опущу веки — перед глазами цифры, цифры. Чувствую себя диванным статистом.

— Статистиком, — машинально поправила Эмили.

Макар мотнул головой.

— Нет, теперь уже статистом.

Эмили улыбнулась и взяла его под руку.

— Тогда не стой, как истукан. Пойдём, проветримся. Может, встретим где-нибудь этих новых людей, наших высших собратьев.

— Если и встретим, то скорее братьев меньших, — сказал Макар.

— Меньших я и так постоянно встречаю, — возразила Эмили, — но это точно не другой вид.

— Почему?

— Разные виды обычно не скрещиваются, а у этих в глазах читается желание спариваться. Прямо здесь и сейчас.

— Тоже критерий, не хуже других, — кивнул Макар, — будем искать тех, кто на тебя не отреагирует.

Они прошли по широкому тротуару, свернули в парк и расположились на скамейке перед театральной площадкой. На сцене техники устанавливали колонки, микрофоны и прочую аппаратуру. Первые зрители начали занимать места на скамейках перед сценой.

— Заметь, на тебя никто не оглядывается, — сказал Макар, — не иначе, здесь собираются новые люди.

— Это потому, что я в джинсах, — ответила Эмили, — на юбку обычно сразу реагируют.

— Ерунда! — возразил Макар. — Я же отреагировал…

— Когда увидел меня без юбки, — подхватила Эмили, — и без лифчика.[29]

Макар смутился и пробурчал что-то неразборчивое. Волонтёры вытащили из микроавтобуса рекламный куб и стали устанавливать его возле сцены. С развёрнутого полотнища на зрителей смотрело мужеподобное женское лицо.

— Ба! — удивилась Эмили. — Да это же Лера-Валера! Вот проныра, и сюда пролезла!

— Ты ведь не думаешь, что новые люди — это избиратели Орловой? — спросил Макар с притворной серьёзностью. — Согласись, версии у нас — одна глупее другой.

35

[29] Эта история описана в третьей книге серии «Хтонь».

Эмили пожала плечами.

— Я вообще не знаю, в какую сторону тут надо думать. Если Бестия права, и новые люди уже появились или вот-вот должны появиться, это может быть только результатом массовой мутации. Четыре сотни люденов[30] у Стругацких — это ни о чём; это брызги, которые или тут же растворятся в общем генофонде, или деградируют в близкородственных скрещиваниях. А массовая мутация должна как-то отслеживаться. Мы увидели бы её признаки даже в новостных каналах — если бы новости были объективны.

— Объективных новостей не бывает, — сказал Макар, — это оксюморон. Ты же сама видела, как сильно новостная повестка расходится со статистикой. А у нас сегодня и в достоверности статистики есть большие сомнения. Надо признать, что или никаких признаков массовой мутации нет, или их невозможно отследить нашими методами.

— Именно, — согласилась Эмили, — это тупиковый путь. Нам надо хорошенько потрясти чертовку; наверняка ей известно больше, чем она говорит. Вы носитесь с ней, как с ребёнком, а её давно уже пора припереть к стенке и вытянуть из неё всю подноготную.

— Подкоготную, — автоматически поправил Макар, и тут же опомнился, — ты что?! Беся же действительно, в каком-то смысле, бесовская девочка, с ней нельзя так!

— А как можно? Добрым словом можно добиться большего, чем добрым словом и пистолетом?

— С ней — да. И потом — только тебя Беся ещё ни разу не спасала, но мы все обязаны ей жизнью. Она наш демон-хранитель; а тебе бы только припирать, трясти и выпытывать.

— Да?! — завелась Эмили. — Так может тебе лучше с ней замутить, а не бесить меня своей наглой рожей?!

Макар удивлённо посмотрел на подругу.

— Послушай… Ты же знаешь, что Кузя с Полканом уже станцевали на этих граблях. Всё обговорили и прояснили, теперь у них доверие и полное взаимопонимание. Может, нам не стоит повторять их путь и проходить по всем пунктам? Не лучше ли сразу прийти к результату, который нам уже известен?

---

[30] «В настоящее время на Земле и в космосе обитают и играют 432 людена». Стругацкие «Волны гасят ветер».

— Можно, конечно, — сказала Эмили, успокаиваясь, — но, боюсь, тогда до тебя не дойдёт.

— Что не дойдёт?

— Что я, между прочим, тоже девочка. Хоть и не бесячья.

— Это ещё как посмотреть, — подумал Макар, но вслух ничего не сказал.

36

На площадке у метро две продавщицы разворачивали передвижную торговую точку. Одна из них ставила на раскладные столики манекены, вторая тут же облачала их в свитерки, футболки и кофточки. Манекены были очень функциональны, то есть усечены по максимуму — торсы без рук и без головы, зато с грудью третьего размера. Пластиковые соски, когда-то рельефно выпирающие, у всех манекенов были грубо вдавлены внутрь.

— Интересно, кто же этим бедняжкам так сиськи мацал? — спросил Макар, кивнув в сторону прилавка.

— Ничего-то ты не понимаешь, — ответила Эмили, — девушки с задорно торчащими сосками не покупают одежду на развале у метро. Здесь совсем иная целевая аудитория — пенсионерки и предпенсионерки. У них и запросы другие. Соски манекена должны показать, как сексуально будет выглядеть блузка на соблазнительной груди. Но если грудью уже не похвастаться, такая реклама может лишь раздражать. Так что правильно они соски убрали, теперь демонстрация товара соответствует целевой группе.

— Логично, — согласился Макар.

Он с восхищением посмотрел на губы подруги, потом его взгляд непроизвольно скользнул ниже.

— Если вякнешь что-то про мою грудь… — начала Эмили.

— Знаю, знаю! — торопливо перебил её Макар. — Получу по морде.

Они прошли мимо развёрнутого прилавка. Продавщицы не обратили на них ни малейшего внимания. Пройдя несколько шагов, Макар услышал резкий голос и обернулся — одна из продавщиц уже зазывала проходящую мимо женщину, расхваливая свой товар.

— Мы для них как будто не существуем, — сказал Макар. — Я-то понятно, я мужчина; а ты можешь принять это как комплимент.

— Подхалим! — улыбнулась Эмили.

Макар в очередной раз поразился, какой красивой делает её улыбка. Впрочем, улыбка украшает всех женщин. Настоящих красавиц, пленяющих любым выражением лица, очень мало; остальные поблёкли бы на их фоне, если б не это оружие массового поражения. Улыбка! Внезапный свет, озаряющий лицо изнутри. И ещё, конечно, соски, топорщащие тонкую ткань топика.

37

В квартиру Макар и Эмили вернулись лишь поздно вечером. Чертовка ждала их, растянувшись на любимом подоконнике. В полумраке она казалась огромным чёрным котом, задремавшим после сытного ужина.

— Что ты здесь делаешь? — резко спросила Эмили.

— Как что? — удивилась Бестия. — Вас жду.

— Не кидайся на девочку, — вступился за чертовку Макар, — Она же тебя не задевает. Не шалит, никого не трогает…

— Примус починяет, — подхватила Эмили, — и, кстати, способна сама за себя постоять.

— Да! — чертовка гордо вскинула голову. — Я такая. А вы как? Работать сегодня собираетесь?

— А смысл? — спросил Макар. — Я не понимаю, с чего ты решила, что сепарация уже происходит. «Здесь стало плохо» — вообще не аргумент; когда здесь было хорошо! Ты, Беся, явно что-то скрываешь. И, мне кажется, без твоей информации мы никогда ничего не найдём.

Чертовка насупилась, показывая, что обижена в лучших чувствах.

— Мне скрывать нечего! Спрашивайте, что вас интересует.

— С чего ты вдруг решила, что Элизиум собирается воевать? Тёрки у вас с начала времён; но почему именно сейчас они должны перерасти в войну?

— Неправильный вопрос, — ответила чертовка, — эта война не «почему», а «за что». Войны всегда ведут за ресурсы, что бы под этим не подразумевалось.

— А в чём сейчас проблема? — спросил Макар. — Людей на планете избыток, и с каждым днём их становится всё больше. Чего вам ещё не хватает?

— Пока всего хватает, — согласилась чертовка, — но надо смотреть вперёд. Скоро население начнёт уменьшаться, тут без вариантов. Но это было бы ещё полбеды; плохо, если оно начнёт сокращаться слишком стремительно.

Макар невольно поёжился.

— С чего бы?

— У этого процесса слишком много выгодополучателей. Они могут разжечь множество конфликтов во всех частях Земли, могут даже слить их в один — мировой. А могут выдумать страшную эпидемию и заставить всех «лишних» уколоться любой дрянью — благо, опыт есть. Недавний эксперимент показал, что с этим проблем не будет. По первому властному окрику люди готовы отдать хозяевам не только душу, но и тело.

38

Макар кивнул, соглашаясь. Эмили посмотрела на него и нахмурилась.

— Ты веришь в эту лабуду?

— А что не так? — не понял Макар. — Логично же.

Эмили покачала головой.

— Сомнительная угроза, отложенная на десятилетия… Войн из-за такого не начинают. Бестия, чего ты недоговариваешь?

Чертовка опустила голову и принялась старательно теребить кончик хвоста.

— Я вас не обманывала — снижение численности действительно неизбежно, и это несомненно ударит по нашей экономике. Но ты права, это лишь часть проблемы. Количество пока ещё растёт, но качество падает уже сейчас.

— Ты что, расистка? — спросила Эмили.

Чертовка фыркнула и в упор посмотрела на неё.

— Молчала бы, белая девочка! Не тебе говорить о расизме! Это я тут чёрная — от рожек до хвоста, это мне разрешено обсуждать что угодно. А для тебя эти темы табуированы настолько, что говорить о них ты можешь лишь пропагандистскими штампами.

— Беся, — укоризненно сказал Макар, — по-моему, ты пытаешься уйти от темы. Давай вернёмся к нашей проблеме — в чём ты видишь падение качества?

— В двух словах и не объяснишь, — ответила чертовка. — Вы знаете, что экономики Инферно и Элизиума снимают урожай с ваших сильных эмоций. А урожай этот выращивается на почве ваших самоидентификаций. Традиционно основной самоидентификации у людей была принадлежность к какой-то общности — семье, племени, нации, религии. Но пирамида вашей экономики потребовала глобализации, и для многих принадлежность к общности стала обесцениваться. Потребовалось срочно искать ей замену. Аналитики Инферно предложили сделать основой самоидентификации успехи человека — социальный статус, творческие достижения, имущественное положение. Но в Элизиуме решили, что это пошло; это мещанство, вещизм и деньги-деньги. А человек — звучит гордо, он должен считать себя не тем, кто он есть, но тем, кем мечтает стать. Не имеет значения, «чего достиг», важно лишь то, «чего хочет достичь». Планы Элизиума, как всегда, выглядят красивее. И, как всегда, они далеки от реальности. В результате часть человечества вновь вернулась к самоидентификации с общностью — но уже не с изначальной, а самостоятельно выбранной. Хуже всего, что при этом часто выбирали общность «пострадавшую», общность-жертву. Расу, сексуальную ориентацию, болезнь, ущербность любого рода. Дошло до того, что если подходящая общность не находилась, её тут же искусственно организовывали. Так появились триста гендеров — и двести девяносто восемь из них громогласно требуют защиты и привилегий.

— Я, кажется, понял, — сказал Макар, — в Элизиуме думали, что все люди мечтают стать творцами нового и оригинального?

— Точно! — ответила чертовка. — Но оказалось, что есть масса обиженных, которые считают себя обделёнными и мечтают отомстить тем, кто умнее, способнее и трудолюбивее их.

39

Эмили досадливо поморщилась.

— Ты опять говоришь не о том. Ресентимент существовал всегда, в нём нет ничего нового. Но при чём тут сепарация?

— Ресентименту всегда не хватало зубов и когтей,[31] — ответила чертовка. А теперь хватает, и даже с избытком. Потому он и породил такое множество гендеров и прочих угнетённых групп, требующих извинений и репараций.

[31] «Тут можно было бы сказать, как сказал Антисфен: зайцы в народном собрании говорили речи, что все во всем равны, но львы возразили: "Вашим доводам, зайцы, не хватает только наших зубов и когтей"». Эзоп «Львы и зайцы».

— Это понятно, — нетерпеливо перебила её Эмили. — Но ты опять съехала с темы. Сепарация-то тут при чём?

Чертовка всплеснула лапами.

— Да как вы не понимаете! Ресурсов мало, а вас много — и все вы хотите одного и того же! Или вы разделитесь и начнёте потреблять разное, или вашу популяцию сильно сократят. Вы боитесь, что придут сверхлюди со сверхпотребностями, найдут вас легковесными и обнулят, как лишних конкурентов. Но это совсем необязательно! Новые люди могут быть лучше вас, могут быть хуже, а могут быть не лучше и не хуже, просто иными. Главное здесь — разделение на группы, в которых дети будут иметь непересекающиеся потребности. Для вас это единственный возможный выход.

— Мне кажется, что если ресурсов действительно не хватит, сокращение всё же более вероятно, — возразил Макар. — Да что там! Даже полное вымирание и то вероятнее, чем эволюция за столь короткий срок. Почему ты так уверена в сепарации?

Чертовка молчала, внимательно разглядывая свои напедикюренные копытца. Наконец подняла на друга печальные глаза.

— Потому что мне не хочется верить в вымирание вашего вида.

— И это всё?! — изумился Макар. — Не хочется верить?! Других аргументов нет?!

— Я называю это интуицией, — ответила чертовка.

— А у вас внизу ещё кто-нибудь так считает? — спросила Эмили. — Кроме тебя?

— У нас внизу есть разные мнения, — уклончиво ответила Бестия, — но все сходятся в одном — что-то у вас должно измениться. И очень скоро. Долго продержаться в таком состоянии вряд ли получится.

— Ну, зашибись! — воскликнул Макар. — То есть мы тут бьёмся, как рыбы об лёд, пытаемся найти признаки того, что инфернальное предсказание начало сбываться — а никакого предсказания, оказывается, не было вовсе! Было лишь нежелание одной мелкой чертовки! И ты из-за этого пять человек поставила на уши!

— Челове-ек! — передразнила его Бестия, тоже перейдя на крик. — Как гордо ты это произносишь! Как будто перейдя с груминга на петтинг, вы перестали быть обезьянами, начали пукать радугами и срать незабудками!

— Беська, полегче! — попытался остановить её Макар.

Но чертовку было уже не удержать.

— Что полегче?! Как были вы животными, так и остались! Узконосые гоминоидные обезьяны, к тому же бесхвостые! То жмётесь друг к другу и кучкуетесь, то разбегаетесь, не оглядываясь. Слышал про число Данбара?

— Нет, — ответил Макар и вопросительно посмотрел на Эмили.

Та отрицательно покачала головой.

— Ты чего-то не знаешь? — притворно удивился Макар.

— Да, представь себе, и так тоже бывает, — ответила Эмили, — давай лучше послушаем Бестию.

40

Чертовка уже успокоилась и перешла на лекторский тон.

— Число Данбара — это число социальных связей, которые может поддерживать узконосый гоминид, называющий себя человеком; его превышение чревато стрессом и агрессией. Для индивида это число колеблется в диапазоне от ста до двухсот тридцати; но, как вы знаете, рота не может бежать быстрее самого медленного солдата. Число конфликтов в команде резко увеличивается после преодоления порога в полторы сотни членов. А вы со своими мегакорпорациями и соцсетями давно вылетели из этой комфортной зоны. Вы мастерски освоили пропаганду, насилие и манипуляции; с их помощью ваши правительства могут как угодно пересобирать ваш софт. Но проблема в том, что число Данбара зависит от харда, а белковый мозг не способен измениться так быстро. Результат вы видите в новостях, и это только начало. Вы можете мне не верить, но вы не можете не видеть, куда катится ваш мир!

— Ерунда! — не выдержал Макар. — Правильный софт всегда выправит недостатки харда.

— Ага, как же! — возразила чертовка. Проверено на практике — у каждого вида обезьян максимальный размер стаи жестко связан со структурой мозга. Хотя, пардон, забыла — вы же не обезьяны! Вы же…

— Пукаем радугами! — перебила её Эмили. — Завязывай, Бестия, обойдёмся без этой химической дискриминации!

Чертовка обиженно выпятила нижнюю губу.

— Как скажете! Можете и дальше врать себе, не замечая, что уже сидите друг у друга на головах!

Макар сжал кулаки так, что ногти впились в ладонь.

— Ты не слишком много на себя берёшь? Считаешь, что вы чем-то лучше нас? У вас что, никогда не было проблем с перенаселением?

Чертовка удовлетворённо кивнула.

— Хороший вопрос. Но у меня есть ещё лучше. Скажи, сколько белковых может поместиться на кончике иглы?

— Понятно, — сказала Эмили, — решила гнобить нас по видовому признаку. Знаешь что, подруга? Шла бы ты, куда пониже!

Бестия обиженно фыркнула и стала медленно таять. Когда тело чертовки исчезло, голова повернулась на невидимой шее и спросила:

— Но вы ведь продолжите поиски?

— И не надейся! — ответила Эмили. — Мы с гоминидом Макаром займёмся грумингом под ближайшей пальмой.

41

Хомо сапиенс обезьяна не только бесхвостая, но ещё и голая; у нас даже памяти не осталось о вездесущих волосяных паразитах, шастающих по всему телу. Бестия была права, у голых приматов социально-эротические функции груминга стал выполнять петтинг. Для нас это тот же груминг, только сосредоточенный на эрогенных зонах и прокачанный по максимуму — гораздо быстрее, гораздо интенсивнее, гораздо приятнее. За что мы его и любим.

Эмили и Макар не были исключением; едва чертовка исчезла, они стали торопливо раздеваться, помогая друг другу. Конечно, чужая помощь тут не требовалась — но она тоже была эротическим элементом пьянящей прелюдии. Руки скользили по коже то едва касаясь, то усиливая нажим — и кожа с готовностью отзывалась, как будто только этого и ждала. Дыхание стало шумным и прерывистым, кровь как будто отхлынула от мозга вниз, к гениталиям. Макар потянул Эмили к постели. Девушка шагнула вслед за ним, не размыкая объятий.

После нескольких минут биений и невнятного шёпота они вновь обрели способность говорить.

— Бестия всё же скотина, — сказала Эмили, — выдумала какую-то страшилку и носится с ней. И мы тоже хороши, повелись, как бараны.

— Не надо о ней так, — попросил Макар, — она хорошая.

— Хорошая?! — мгновенно завелась Эмили. — А ты, когда меня трахал, случайно не о ней думал?! Может, ты бы хотел, чтобы у меня ноги были волосатые?! И живот, и грудь, и спина? И жопа?

Макар молча наклонился, обхватил губами сосок подруги, слегка оттянул, потом отпустил.

— Лучше не надо. Иначе мне придётся долго искать это чудо в густых зарослях.

Эмили обняла Макара за шею и прижала его лицо к своей груди.

— Я понять не могу — почему вы все так зациклены на Бестии? Вы что, не видите — она же вертит вами, как хочет?

— Она не хочет ничего плохого, — ответил Макар, — наоборот, она хранит нас. Во всяком случае, пытается сохранить нас людьми.

— И как — получается?

— Пока не очень, — вздохнул Макар. — Беся считает, что от животных нас отличает способность смеяться. Наше остроумие. Но сегодня мы сами сознательно убиваем в себе эту способность.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Эмили.

— Вот смотри. Раньше была целая серия анекдотов про чукчей, их даже в сборниках печатали. Но в какой-то момент решили, что национальности упоминать нельзя — и те же самые анекдоты стали рассказывать про блондинок. Потом пол тоже запретили трогать — и героями этих анекдотов стали прапорщики. А сейчас уже и армия — табу; что дальше? В конце концов до запретителей дойдёт, что любой анекдот для кого-то будет оскорбителен, любое остроумие кого-то заденет. Поэтому нет смысла бесконечно множить список запретных тем, легче запретить остроумие, как таковое. На уровне самоцензуры, естественно; чтобы человек и думать не смел о чём-то смешном. Чтобы сделал ещё один шаг назад, к своей животной природе.

— А Бестии нравится наш юмор? — спросила Эмили.

— Ещё бы! — ответил Макар. — Она от него кайфует.

Эмили удивлённо подняла брови.

— Не понимаю. Ты же постоянно пытаешься шутить, и твои шутки всегда несмешные — как это может кому-то нравиться?

42

Наутро Макар появился на пороге пятьдесят девятой квартиры. Увидев его, чертовка всплеснула лапами в притворном удивлении.

— Неужели снова поругались?

— Не твоё бесячье дело! — огрызнулся Макар.

В коридор выглянула Кузя.

— Что у вас случилось? Опять накосячил?

— Ничего я не сделал! — раздражённо ответил Макар. — Сказал Эмили, что она главный приз в моей жизни. Думал, ей понравится. Но она только поморщилась и ляпнула что-то про объективизацию. Ну и… слово за слово…

— Понятно, — сказала Кузя, — лет двадцать назад такое бы прокатило. Но сегодня никто не согласен быть пассивным объектом, все хотят быть активными субъектами. Ты гордо назначил себя спасителем, рыцарем в сверкающих доспехах. А бедной девочке оставил пассивную роль спящей красавицы.

— Мёртвой царевны, — подсказала Бестия.

— Мёртвой даже точнее, — согласилась Кузя, — потому что в такой картине мира от Белоснежки ничего не зависит. Её дело скромно лежать на спинке и страдать от собственной невостребованности. Ждать и надеяться, что хоть какой-то рыцарь обратит на неё своё благосклонное внимание. Но ей-то хочется самой брать призы, а не быть чьей-то добычей.

— Да я вообще ни о чём таком не думал! — возмутился Макар.

— А надо было думать! — наставительно сказала чертовка. — Причём головой, а не тем, чем ты обычно думаешь. Вы если начинаете с ссоры, то кончаете грумингом, а потом ходите глупые и счастливые. Но если начинаете с груминга — кончаете ссорой, а на помириться у вас уже либидо не хватает. И вот ты здесь, и вместо глупой улыбки у тебя кривой рот…

— Заткнись! — прорычал Макар. — Тебя не спрашивают! Тоже мне, бесполый спец по половым вопросам!

Чертовка презрительно фыркнула.

— Чтобы вас просчитать, не надо быть спецом; в генной комбинаторике два пола — простейший вариант.

— А как же триста гендеров? — спросил Шаман.

— Там всё ещё проще.

— Это, конечно, очень интересно, — сказал Николай, — но меня всё-таки больше интересует сепарация. Вам удалось что-то выяснить?

— Удалось, — кивнул Макар, — мы выяснили, что сепарация — это не прогноз Инферно. Это личное мнение Бестии, основанное лишь на её интуиции.

— И? — спросил Николай.

— И на этом мы закончили.

— Не понял, — нахмурился Николай. — Бесовская интуиция ещё ни разу нас не подводила. С каких пор ты перестал ей верить?

— Мы не нашли никаких подтверждений её словам, — ответил Макар. — Перелопатили гигабайты инфы — и ничего!

— Значит, плохо искали. У Бестии нюх на кризисы, ты же сам не раз в этом убеждался. Надо довести это дело до конца.

Макар упрямо наклонил голову.

— Не могу я сейчас туда вернуться! У нас… возникли разногласия.

— Они опять поссорились, — объяснила чертовка, — и опять навсегда. Окончательно и бесповоротно, как обычно.

— Видишь, как удачно получилось, — сказала Кузя Макару. — Тебе даже не придётся искать предлог, чтобы помириться с Эмили. Ничего личного, всё только в интересах дела.

— Ну, не знаю… — начал Макар, но чертовка перебила его:

— А тебе и не надо ничего знать, тебе действовать надо! Поднимай свою белковую задницу и тащи её к своей подружке!

— Но что я ей скажу? — спросил Макар.

— Да что угодно! Хотя бы это: «Мирись, мирись, больше не дерись!»

43

Эмили открыла дверь после третьего звонка.

— Мирись, мирись, больше не дерись! — сказал Макар. — Я идиот, да?

Эмили улыбнулась, схватила его за отвороты куртки и втянула в темноту прихожей. Макар вскинул руки, инстинктивно защищаясь, и грудь девушки оказалась в его ладонях. Он мгновенно забыл о своих планах и заранее заготовленных фразах; на инстинктах всё получалось быстрее и правильнее. Казалось, весь его предыдущий сексуальный опыт был подобен опыту больного, который заново учится ходить — когда надо постоянно контролировать себя, решать, как согнуть колено, куда поставить ногу. Управлять собственным телом, как чем-то отдельным от себя. А потом

незаметно и естественно ситуация переворачивается — человек перестаёт думать, «как» будет ходить, просто забывает об этом; все его мысли направлены на другое — «куда» он хочет прийти.

Макар подумал, что теперь то же самое произошло с его руками — они как будто сами знали, чего хотят, и сами действовали. Исчезла задержка — небольшая, возможно, всего несколько миллисекунд; но это казалось очень заметным. Как будто он ехал на машине и вдруг увидел, что забыл сняться с ручника.

Оргазм смёл последние задержки и ограничения. Желание медленно угасало, уступая место нежности и благодарности. Макар осторожно погладил плечо Эмили.

— О чём ты думаешь? — спросила она.

— Я не понимаю, почему у нас всё… вот так?

Макар хотел сказать «через жопу», но в постели это прозвучало бы слишком двусмысленно. Эмили ответила не сразу; несколько минут она молча смотрела на него, потом прошептала:

— Я всё ещё не могу тебе доверять.

— Почему? — удивился Макар.

— Я всё жду, когда ты меня бросишь.

— Что?! — Макару показалось, что он ослышался. — С чего ты взяла?

— Я страшная… Морда острая, как у галчонка…

— С ума сошла! Ты обалденная! Ты лучше всех!

Эмили чуть заметно улыбнулась.

— Приятно, что ты так говоришь. Но ведь это неправда, я вижу себя в зеркале…

— Зеркала врут! — перебил её Макар. — Ты смотришь в них неправильно! Очень предвзято. Смотри на себя так… вот как ты сейчас смотришь на меня. Тогда и увидишь себя, какая ты есть. Какая ты на самом деле красивая.

— И грудь у меня маленькая, — сказала Эмили, отводя глаза, — а у других девушек…

— У тебя прекрасная грудь! — возразил Макар, и его пальцы тут же подтвердили его слова. — Мой любимый размер! Знаешь, разные дураки пишут в инете, что, раздевая девушку, надо смотреть, одного ли цвета её

трусы и лифчик, что из этого можно сделать какие-то выводы. А мы можем не заморачиваться с такой хернёй, ты же лифчики вообще не носишь.

— Да, это большой плюс, — улыбнулась Эмили.

Пальца Макара скользнули вниз, прошлись по плоскому животу и остановились на тазовой косточке.

— У тебя идеальная фигура! Если скажешь, что ты ещё и толстая, я решу, что ты просто кокетничаешь.

Эмили обняла его и уткнулась лицом в плечо.

— Не скажу…

44

Через час они сумели наконец оторваться друг от друга. Выйдя из душа, Эмили отправилась на кухню, и вскоре оттуда потянулся восхитительный аромат чего-то жареного. Макар поставил на яичницу — не потому, что узнал запах; просто сомневался, умеет ли его подруга готовить что-то другое. Он отложил телефон и поспешил на кухню.

Яичница была уже разложена по тарелкам. Эмили разливала кофе по разнокалиберным чашкам.

— Что это было? — спросил Макар. — Ты сегодня на себя не похожа.

— Не обращай внимания, — ответила Эмили, — это гормональное. Регулы на подходе.

— Регулы? — не понял Макар.

— Менструация, месячные, критические дни, течка, красный код. Какой же ты всё-таки дремучий! Приятного аппетита, кстати.

— Угу, — промычал в ответ Макар; это было единственное, что он мог произнести с набитым ртом.

Регулы пришли на следующий день. Макар думал, что теперь-то он сможет полностью сосредоточиться на работе, но быстро понял свою ошибку. Рядом с Эмили он чувствовал постоянное сексуальное напряжение; оно будоражило и мучило, не находя привычного выхода.

Но, так или иначе, работа всё же продвигалась. Макар выделял социальные группы по самым причудливым критериям, оценивал их и откладывал, находя слишком легковесными. Он не верил в сепарацию, но честно делал своё дело — потому что его друзья считали эту работу чрезвычайно важной.

Бестия была уверена, что люди с другой биологической программой уже живут среди нас, причём в количестве, значимом для вида. Николай перестраховывался, полагая, что если новые люди появились, то они могут объединяться в сообщества по каким-то признакам. А такие объединения, возможно, будут представлять опасность для равновесия.

Работа без веры в успех и с фактически нулевым результатом — плохой стимул. Макар всё чаще ворчал, хотя знал, что Эмили этого не любит.

— Хернёй занимаемся! Мы отслеживаем не биологические изменения, а социальные колебания типа «стимул — реакция». Ввели пособие для матерей-одиночек — и сразу нашлось множество пар, решивших, что для семейного бюджета будет полезно избавиться от штампа в паспорте. Никакой биологии, одна голимая бухгалтерия! Причём действующая с непреложностью физического закона.

Эмили оторвалась от экрана и посмотрела на Макара.

— Это лишь кажущаяся непреложность, не учитывающая действия иных факторов. Вот смотри — за последние семь лет в Чечне распалось около шести тысяч семей…

— Так я о том и говорю! — кивнул Макар.

— И почти половина из них уже вновь воссоединилась, — продолжила Эмили.

— Но как?! — не поверил Макар. — Как такого можно добиться?!

— Добрым словом, конечно. Добрым чеченским словом.

45

Макар откинулся на спинку кресла.

— Демоны и херувимы! Да что не так с нашей статистикой?! Я думал, такая путаница только с радужным сообществом; но тут куда ни посмотри, везде какие-то непонятки. Ты думаешь, мы сумеем что-то откопать в этой мусорной куче?

Эмили пожала плечами.

— Моё дело копать, твоё — камералить.[32] Кстати, о радужке…

Договорить она не успела, заиграла мелодия дверного звонка. Макар открыл дверь и увидел чертовку, зависшую в воздухе в метре над полом.

---

[32] Камералить — производить камеральную обработку (анализ и интерпретацию) материалов, собранных во время изысканий.

Алый коготь давил на кнопку, не давая звонку умолкнуть. Эмили вышла из комнаты и с удивлением уставилась на нежданную гостью.

— Тебе кто-то рассказал о правилах приличия? Раньше ты вела себя бесцеремоннее.

— Не хотела вас смущать, — ответила чертовка. — Мало ли чем вы тут занимаетесь… Вместо того, чтобы спасать мир.

— Сама бы попробовала! — огрызнулся Макар. — Вечно всё на нас перекладываешь.

Чертовка опустила голову и печально посмотрела на свои ладони.

— Я не могу — у меня лапки!

— И эти лапки растут из жопки! — добавил Макар.

С полчаса они болтали о пустяках, беззлобно подкалывая друг друга. Когда друзья переместились на кухню, в прихожей вновь раздался звонок. Эмили открыла дверь; на площадке стояли Николай, Кузя и Шаман.

— Не стоило звонить, — сказала Эмили, — у вас же есть ключи.

— Не хотели вас потревожить, — ответила Кузя.

— Мало ли чем вы тут занимаетесь! — радостно подхватила чертовка.

Эмили с Макаром переглянулись и не смогли сдержать улыбки. Друзья вернулись на кухню, и Кузя спросила:

— Что у вас нового? Есть подвижки?

— Эмили нашла кое-что по радужному сообществу, — ответил Макар.

— По трансгендерам, — уточнила Эмили. — В первом проходе мы пытались собрать статистику по всему миру, но по этим темам чем шире охват, тем ниже достоверность. Поэтому я решила пока ограничиться штатами, там с каминг-аутами проще.

— Это понятно, — нетерпеливо перебил Макар, — а с цифрами-то там как?

— Есть и цифры, — ответила Эмили, — за последние восемь лет процент несовершеннолетних, считающих себя трансгендерами, удвоился, и теперь почти половина американских трансгендеров — зелёная молодёжь.

— Неинформативно, — поморщился Макар. — Ты же знаешь — через две точки можно провести сколько угодно кривых. По двум точкам ничего нельзя сказать о характере функции; мы видим лишь, что число трансгендеров увеличилось, а состав омолодился — и ничего больше.

— Согласна, — кивнула Эмили, — но есть и более полная разбивка по времени — тоже в штатах, естественно. В поколении Z в двадцать раз больше трансгендеров, чем у бэби-бумеров, в три с половиной раза больше, чем в поколение X и в два раза больше, чем у миллениалов.[33]

— Тревожная тенденция, — сказала Кузя, — эту кривую даже я со своим гуманитарным образованием хорошо представляю.

46

На следующий день друзья вновь собрались в семьдесят восьмой квартире. Кузя объявила, что хочет сообщить нечто важное; ждали лишь Макара, который с утра вышел проветриться. Наконец появился и он, радостный и возбуждённый. Коротко извинившись, пояснил:

— Залип в новостной ленте. Интересные вещи пишут…

— Подожди! — перебила его Кузя, — давай всё-таки сначала я скажу.

Все посмотрели на неё в напряженном ожидании.

— Мы потеряли уйму времени, пытаясь найти в инете какие-то скрытые сведения. Но проблема была в другом — в зашкаливающем фоне избыточной информации, которая мешала разглядеть суть. И всё же нам удалось решить нашу задачу. Могли бы сделать это и раньше — но мы старались копнуть как можно глубже, а все ответы лежат на поверхности. Бестия права — сепарация, о которой так долго говорили в Инферно и Элизиуме, всё-таки совершилась. Человечество разделилось; одна его часть осталась неизменной, другая трансформировалась. Теперь они идут разными путями — у них разная идеология, разные цели, разные жизненные стратегии.

— Первый раз, что ли? — спросил Макар. — Всегда же так было.

— Верно, — согласилась Кузя. — Но всегда смысл этих разногласий был в них самих. А сейчас они лишь следствие изменения биологической программы.

— Подожди, — прервал подругу Николай, — ты хочешь сказать, что человечество разделилось на две части и у каждой из них своя биологическая программа?

— Именно. Человечество стало эусоциальным видом с выраженной репродуктивной специализацией. Начался процесс элиминации — выделилась и идеологически оформилась часть человечества, по тем или

---

[33] В данном случае поколения определялись по годам рождения: поколение Z (зумеры) — 2001-2010, поколение Y (миллениалы) — 1984-2000, поколение X — 1965-1983, бэби-бумеры — 1946-1964.

иным причинам не участвующая в размножении. Это геи, лесби, транссексуалы…

— Мать, ты даёшь! — перебил Кузю Макар. — Да под такие критерии можно подвести кого угодно, хоть чайлдфри. Ты, по-моему, сейчас пытаешься натянуть сову на глобус.

Кузя улыбнулась.

— В точку! Чайлдфри именно сюда и относятся. И хикки, и асексуалы, и сильные независимые женщины, и кто там ещё сегодня в тренде. Все, кто принял решение уклониться от размножения, весь этот разноцветный ЛГТЧФ — это рабочие особи нашего человейника, пожертвовавшие личным генетическим проектом ради процветания вида. Хотя транссексуалы тут, конечно, вне конкуренции — их трансформировали хирургически. Теперь они в принципе не способны продолжить род — ни случайно, ни намеренно.

— Но ведь всё это уже было, — возразил Макар, — во все времена находились люди, нежелающие или неспособные продолжать свой род. И они уже тогда объединялись — в монастырях, в монашеских орденах. А вспомни евнухов — это же предтечи нынешних транссексуалов! Я не вижу в сегодняшней ситуации ничего нового, она выделяется разве что количественно.

— Вот именно! — кивнула Кузя. — Как раз в этом всё дело. В количестве, которое перешло в качество. Прежде это явление было социальным, и только теперь процент функционально-стерильных членов общества достиг биологически значимого уровня. Мы преодолели этот критический порог и можем констатировать появление нового подвида — homo sapiens sterilis.[34] Как бы мы к этому ни относились, придётся признать — человечество стало эусоциальным видом.

47

Чертовка зафыркала, прикрывая пасть лапой.

— Что смешного? — спросил Николай.

— Просто вспомнила, как традиционалисты называли это аббревиатурное разноцветье трутнями. Лентяями, стремящимися лишь к наслаждениям, в то время как все нормальные люди пашут, как пчёлки. И вдруг оказалось, что всё наоборот, что они вовсе не трутни — трутни как раз активно размножаются. А они именно пчёлки — функционально-стерильные рабочие особи нашего вида. Разве не смешно?

[34] Человек разумный бесплодный (лат.)

— Не очень, — ответил Николай. — Но проблема сепарации, кажется, разрешилась сама собой. Человечество действительно разделилось на две части, но никакой конкуренции между ними быть не может. Если одна часть не оставляет потомства, вопрос о конкуренции снимается.

— Меньше народа — больше кислорода! — прокомментировал Макар. — А то людей действительно стало многовато, мы всю биосферу давим.

— Всё смеёшься, — укоризненно сказала Кузя, — а ведь это совсем не смешно. Это больше похоже не на стабилизацию численности, а на великое вымирание в рамках одного вида. Когда на раскидистой кроне с сотнями цветов отмирают многочисленные ветви, чьи программы размножения уже не соответствуют изменившимся условиям.

Макар развёл руками.

— Я разве спорю? Но всё к лучшему! Ветки же не просто так отваливаются, они освобождают место под солнцем. После каждого великого вымирания следует взрыв биоразнообразия…

— Что, скорее всего, вновь вернёт человечество к проблеме сепарации, но уже на другом уровне, — перебил его Николай. — Давайте всё-таки решать проблемы по мере поступления. Нынешний виток сепарации безопасен, вопрос закрыт. Удача всё ещё с нами.

— Поражаюсь я вам, как-бы-сапиенсам, — сказала Бестия, — вы так до сих пор и не поняли, что самый страшный кризис для вас — это отсутствие кризисов. Мечтаете мирно досидеть на своих белковых задницах — до чего? До Судного дня? До схлопывания Вселенной? До морковкина заговенья? Хотя прекрасно знаете, что без кризисов не будет и эволюции. No pain — no gain![35] Со своей любовью к комфорту вы и так уже потеряли сто пятьдесят грамм мозга — по сравнению с вашей первоначальной версией. Верным путём идёте, товарищи! Будете и дальше мозги терять, пока до мышей не доспариваетесь?

— Беся, не гони волну, — примирительно сказал Николай, — радуйся, что всё хорошо закончилось, что эта сепарация обошлась без расизма и геноцида. Макар, Эмили — вы молодцы, хорошо поработали. Я предлагаю закончить дебаты, спуститься в кафе и выпить за отделившуюся часть человечества — неконкурентных рабочих особей.

— Подожди, — остановила друга Кузя, — кажется, у Макара была какая-то новость.

---

[35] Нет боли — нет выгоды (англ.)

— Да ерунда, — сказал Макар, — просто прочитал, что Лера Орлова выиграла выборы по своему округу. На неё сразу насели блогеры, вывалили кучу самого нелепого компромата. Взятки, откаты и всё такое. Пишут, что раньше она работала в маникюрном салоне, а теперь вызывает на дом парикмахершу и маникюршу. И ветеринара — подстригать когти у её шести кошек.

2025